

GISAP:

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
Global International Scientific Analytical Project

№ 7 Liberal* | October 2015



Expert board:

Victoria Moskalyuk (Belarus), Stefan Georgievski (Macedonia), Yuliana Fornea (Moldova),
Valentina Dolgova (Russia, Estonia), Igor Groshev, Darya Pogontseva (Russia).

Dear readers!

A person doesn't always seem to be aware of the fact that as an individual he or she has certain significance, that he or she is able to perform certain functions or to play any significant role in everyday life only in a way the society can demand, accept and evaluate.

Along with this the self-consciousness, as a key element of personal intellectual basis and subjective world outlook (without the influence of social effect), would be inevitably formed particularly in local limits of biological essence of a human being. Only instincts, reflexes, the simplest animal needs... No cultural and ideological values and efforts, rules, understanding of justice, honor, dignity, obligations, noble feelings... It might seem illogical, but it is the society that forms the person inside every one of us. On the level of fundamental conflict of interests it confronts the personality and bursts out with internal contradictions. The number of biological, consumer, informational, ethical and cultural relations we are connected to each other with is impressive! We affect every member of the society, educate people and face the illogical upcoming influence. Every one of us creates the humanity and acts as its integral part – as a product of social progress! Subjective responsibility of a certain person for everything that is happening around us is not mythical utopia, not an abstraction. It is an objective reality.

Thomas Morgan
Head of the IASHE International Projects Department
October, 2015



GISAP: Psychological Sciences №7 Liberal* (October, 2015)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. Pavlov V.V.

Copyright © 2015 IASHE

ISSN 2054-6505

ISSN 2054-6513 (Online)

Design: Yury Skoblikov, Helena Grigorieva, Alexander Stadnichenko

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)

1 Kings Avenue, London, N21 3NA, United Kingdom

Phone: +442032899949, E-mail: office@gisap.eu, Web: <http://gisap.eu>

- ! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without
- the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article.

Print journal circulation: 1000

“* - Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of development of the journal (“Professional”) involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world”.

CONTENTS

V.I. Dolgova , <i>Chelyabinsk State Pedagogical University, Russia</i> STAGES OF THE INNOVATIVE PROCESS IN EDUCATION	3
E. Davidescu , <i>Pedagogical University named after I. Creanga, Moldova</i> DIMENSIONS OF PROSOCIAL BEHAVIOR	7
R. Masalimov , <i>Bashkir State University, Russia</i> PSYCHOLOGY OF ETHNIC IDENTITY OF THE PERSONALITY AS THE ASPECT OF EXTREME ANTHROPOLOGY	10
I. Konoplytsky , <i>Kharkiv National University of Internal Affairs, NGO of assistance to the youth in the promotion of researches, Ukraine</i> INFORMATION-RELATED INTERACTION BETWEEN PROCEDURAL COMMUNICATORS AND PSYCHOLOGICAL "IRRITANTS" AT IDENTIFICATION AND DETECTION OF CRIMES	13
Y. Drab , <i>PJSC "Khmelnytskoblenergo", Ukraine</i> SYSTEM OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL SUPPORT OF PROFESSIONAL ACTIVITY AND THE ROLE OF THE OF PSYCHOEMOTIONAL RELAXATION ROOM.	16
D. Pogontseva , <i>Southern Federal University, Russia</i> STRUCTURAL ELEMENTS OF THE CORE AND PERIPHERY IDEAS OF THE BEAUTIFUL WOMAN	19
D. Pogontseva , <i>Southern Federal University, Russia</i> MEN'S AND WOMEN'S IDEAS OF BEAUTIFUL WOMEN	23
N. Sivrikova , <i>Chelyabinsk State Pedagogical University, Russia</i> SATISFACTION WITH LIFE OF REPRESENTATIVES OF DIFFERENT GENERATIONS	28
N. Sivrikova , <i>Chelyabinsk State Pedagogical University, Russia</i> INDIVIDUAL APPROACH TO TRAINING ON THE BASIS OF THE THEORY OF GENERATIONS IN THE SPHERE OF THE HIGHER EDUCATION"	33
O. Krupenko , <i>Tauride State Agrotechnological University, Ukraine</i> INFLUENCE OF THE ECONOMIC SITUATION OF VILLAGERS OF UKRAINE ON THEIR MENTAL STATE	38

CONTENTS

Долгова В.И., Челябинский государственный педагогический университет, Россия ЭТАПЫ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В ОБРАЗОВАНИИ	3
Davidescu E., Pedagogical University named after I. Creanga, Moldova DIMENSIONS OF PROSOCIAL BEHAVIOR	7
Масалимов Р., Башкирский государственный университет, Россия ПСИХОЛОГИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК АСПЕКТ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ	10
Коноплицкий И.Н., Харьковский национальный университет внутренних дел, Общественная организация помощи молодёжи в продвижении научных исследований, Украина ИНФОРМАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ КОММУНИКАТОРОВ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ «РАЗДРАЖИТЕЛЕЙ» ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	13
Драб Я.М., ПАО «Хмельницкоблэнерго», Украина СИСТЕМА ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РОЛЬ КОМНАТЫ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РАЗГРУЗКИ	16
Погонцева Д.В., Южный Федеральный университет, Россия СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯДРА И ПЕРИФЕРИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КРАСИВОЙ ЖЕНЩИНЕ	19
Погонцева Д., Южный Федеральный Университет, Россия ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН О КРАСИВЫХ ЖЕНЩИНАХ	23
Сиврикова Н.В., Челябинский государственный педагогический университет, Россия УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ	28
Сиврикова Н.В., Челябинский государственный педагогический университет, Россия ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	33
Крупенко О., Таврический государственный агротехнологический университет, Украина ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ НА ЕГО ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	38

STAGES OF THE INNOVATIVE PROCESS IN EDUCATION

V.I. Dolgova, Doctor of Psychology, Full Professor,
Candidate of Education
Chelyabinsk State Pedagogical University, Russia

The article reveals the content and features of the stages of innovation processes in education; the author shows the relationship between the components of readiness for innovation.

Keywords: innovative processes in education, the willingness to innovate, stage, goal-setting, installation formation, implementation subject examination, accelerated implementation, front implementation, generalization, improvement, dissemination, mentoring.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

ЭТАПЫ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В ОБРАЗОВАНИИ

Долгова В.И., д-р психол. наук, проф., гранд д-р философии,
канд. пед. наук
Челябинский государственный педагогический университет,
Россия

В статье раскрыто содержание и особенности этапов инновационных процессов в образовании; показана связь между компонентами готовности к инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновационные процессы в образовании, этап, целеполагание, формирование установки, изучение предмета внедрения, опережающее внедрение, фронтальное внедрение, обобщение, совершенствование, распространение, наставничество.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике



Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.1101>

Инновационный процесс в образовании, понимаемый нами как процесс преобразования научного знания (результатов фундаментальных и прикладных исследований) и передового педагогического опыта в педагогическую (образовательную) инновацию [3], направлен на качественное улучшение деятельности образовательных учреждений (далее – ОУ) как системы. Ведущей, сквозной характеристикой инновационных процессов в образовании является «этап» (П.Я. Гальперин, [1]). Причем пройденные этапы не исчезают, а становятся скрытым основанием каждой новой формы инновации, механизмом перехода на новый этап.

Процесс деятельности по управлению инновациями в образовании, по нашему мнению, реализуется на семи этапах, при этом каждый последующий этап является логическим продолжением и завершением предыдущего [2, 4, 5], результат предыдущего этапа интегрируется в результат последующего.

Первый этап. «Целеполагание внедрения достижений науки и передового опыта в практику инновационной деятельности образовательного учреждения». Цель этапа – обосновать генеральную цель обновления, пути и способы ее достижения через решение проблемы, определить исходное состояние ОУ и образ желаемого будущего для подготовки управленческого решения по преобразованиям в деятельности ОУ.

Целеполагание реализуется в со-

вокупности скоординированных последовательных и параллельных действий:

- *целеполагание* (использование SMART-технологий постановки целей, определение приоритетности целей) как выбор наиболее желательных из всех, имеющихся возможностей путей и способов преобразования ОУ из существующего положения в новое, желаемое будущее;

- *построение дерева целей* – декомпозиция генеральной цели на подцели (цели второго уровня, задачи) и далее до уровня конкретных мероприятий, проектирование целенаправленной и внутренне мотивированной преобразующей деятельности субъектов образования по реализации целей через решение проблемы;

- *разработка дерева критериев*, позволяющего оценить степень достижения целей;

- *программно-целевое планирование* (конкретное и определенное предвидение), предполагающее уточнение содержания инновационной деятельности по направлениям работы с выделением и осознанием этапов и мероприятий по их осуществлению. Выявление ресурсов, необходимых для согласованной реализации целей. Построение двух графов – дерева целей и дерева ресурсов.

Результат этапа целеполагания – структурная информация, зафиксированная в программно-целевом комплексе – первой интегративной форме генерирования инноваций и основе перехода на следующий этап. Про-

граммно-целевой комплекс (план) как инструмент управления предусматривает постановку исполнителям задач (заданий) с указанием идеи, содержания, средств, способов, места и времени их реализации, потребителей образовательных услуг, точек внешнего и внутреннего контроля, предполагаемых эффектов и других параметров. На этом этапе формирование и развитие готовности субъектов к инновационной деятельности закладывается по всем составляющим ее компонентам и более всего – по эмоциональному, коммуникативному и рефлексивному.

Второй этап. «Формирование положительной установки и мотивов внедрения нововведения последовательно у инициативной группы и всего педагогического коллектива в целом».

Цель этапа – сформировать положительную установку и мотивы внедрения нововведения у субъектов инновационной деятельности.

- Совокупность взаимно согласованных последовательных и параллельных действий субъектов инновационной деятельности на втором этапе включает в себя:

- *оптимизация условий по формированию мотивов, положительной реакции и установки на внедрение инноваций* сначала у педагогов-инициаторов, затем – у остальных педагогов. Доведение до сведения всех субъектов инновационного процесса результатов анализа и обобщения фактического материала об актуальном состоянии ОУ, ключевой проектной идеи, реше-

ния о стратегии преобразований, преимуществ и выгод от внедрения нововведений. Использование научным руководителем проекта, руководителем ОУ и педагогами-инициаторами современных информационно-коммуникационных технологий для демонстрации и объяснения прогностической модели преобразований, уточнения у членов педагогического коллектива предварительных представлений о нововведениях. Выявление лидеров и активных сторонников нововведений, поддержка образовательных инициатив и педагогического творчества, предоставление им дополнительных возможностей для пропаганды нововведений, вовлечение в инновационную деятельность пассивных и преодоление сопротивления консервативно настроенных членов педагогического коллектива. Создание педагогическим работникам оптимальных условий для инновационной деятельности, обеспечение их необходимыми ресурсами;

- *стимулирование субъектов инновационной деятельности* на осуществление целенаправленных действий, способных изменить прогнозируемое будущее к лучшему состоянию;

Результат второго этапа трансформируется в мотивы и положительную установку на внедрение инноваций. На этом этапе формирование и развитие готовности субъектов к инновационной деятельности закладывается также по всем составляющим ее компонентам, но более всего – по эмоциональному, коммуникативному, мотивационному и рефлексивному.

Третий этап. «Изучение и обсуждение Концепции развития всем коллективом, проектирование Программы развития учреждения».

Цель этапа – изучить Концепцию развития, разработать проект управленческого решения на ее внедрение (первый вариант Программы развития).

Инновационная деятельность субъектов осуществляется посредством совокупности скоординированных взаимодействий:

- *организация изучения и обсуждения всем коллективом теоретических основ инноваций* – это, по сути,

формирование достаточной уверенности у педагогических кадров в правильности разработанных целей внедрения нововведений и успешности их реализации, а также обеспечение возможности педагогическим работникам повышать свою профессиональную квалификацию.) *разработка оценочной системы*, осуществление сравнительной оценки альтернативных вариантов управленческих воздействий по преобразованиям в деятельности ОУ, определение преимуществ, недостатков и вероятности реализации каждой альтернативы, согласование выбранных вариантов с необходимыми специалистами;

- *составление Программы развития ОУ как документа*; подготовка аннотации Программы развития (паспорта, введения к Программе), информационной справки об ОУ (история, констатация современного состояния, достижений); оценка экспертами качества Программы развития; первичная коррекция Программы развития.

На третьем этапе формируются и развиваются все компоненты готовности субъектов к инновационной деятельности и более всего – гностический и рефлексивный.

Четвертый этап. «Выборочно-содержательная (опережающая, пробная, опытно-экспериментальная) реализация нововведений в практике».

Цель этапа – провести проверку инновационных образовательных проектов (программ) средствами практики, получить заключение экспертов, утвердить Программу развития ОУ.

Совокупность скоординированных действий педагогов-инициаторов по реализации локальных преобразований, охватывающих отдельные участки деятельности ОУ, следующая:

- *проведение опытной работы* по творческому освоению и модификации педагогами-инициаторами новых систем воспитания, содержания базовых и профильных программ, программ углубленного изучения предметов, программ учебных курсов профильной направленности, прогрессивных педагогических технологий (проектной, игровой, информационно-коммуникационной и др.), учебно-методических и учебно-лабораторных комплексов, форм, методов

и средств обучения;

- *проведение опытно-экспериментальной реализации инновационных образовательных проектов (программ)*, как выполняемых по заказу (федеральному, региональному, муниципальному), так и самостоятельно разработанных;

- *внедрение моделей* системы оценки качества общего образования, организации и финансирования повышения квалификации работников образования, аттестации педагогических работников, организации дистанционного обучения детей-инвалидов, нуждающихся в обучении на дому и др.

Результат этапа выборочно-содержательной реализации нововведений в практике – управленческое решение по фронтальному внедрению инновационных образовательных проектов (программ) и организационную структуру в точке контроля, основа перехода на следующий этап. На четвертом этапе эффективнее всего формируются и развиваются коммуникативный и практический компоненты готовности к инновационной деятельности у группы новаторов.

Пятый этап. «Фронтальное внедрение инновационных образовательных проектов (программ) в практику».

Цель этапа – реализация управленческого решения – организация фронтального внедрения инновационных образовательных проектов (программ) в практику.

Совокупность скоординированных действий педагогического коллектива по реализации модульных преобразований, охватывающих многие участки деятельности ОУ, следующая:

- *мобилизация всего коллектива на инновационную деятельность*; планирование и организация процесса внедрения, обеспечение оптимальных условий для фронтального внедрения нововведений; подбор исполнителей и доведение задач до каждого из них;

- *корректировка содержания, уровня приоритетности задач или сроков их выполнения* на основе информации обратной связи, регулирование преобразований в деятельности ОУ к желаемым результатам;

- *организация сотрудничества* всех субъектов инновационной деятельности, распространение пере-

дового опыта (достижений) педагогов-новаторов на весь коллектив;

- *всестороннее изучение и систематизация полученных результатов* (запланированных и побочных) внедрения инновационных образовательных проектов (программ), установление степени их соответствия поставленным задачам;

На пятом этапе формируется и развивается готовность членов коллектива к инновационной деятельности по всем составляющим ее компонентам: эмоциональному, коммуникативному, гностическому, мотивационному, практическому и рефлексивному.

Шестой этап. «Совершенствование профессиональной деятельности всего педагогического коллектива на основе реализации Программы развития учреждения».

Цель этапа – обеспечение поступательного совершенствования деятельности субъектов по внедрению инновационных образовательных проектов (программ) в практику и качественному обновлению деятельности ОУ.

Упорядоченная совокупность скоординированных действий всего педагогического коллектива по реализации системных преобразований, охватывающих все участки деятельности ОУ, следующая:

- *совершенствование знаний и умений*, сформированных на предыдущих этапах;
- *технологизация внедрения инновационных образовательных проектов (программ)*;
- *совершенствование и самосовершенствование личности субъекта внедрения инноваций*.

Результат этапа – совершенствование владения педагогами инновационными технологиями до уровня педагогического мастерства.

На шестом этапе совершенствуется готовность всех членов коллектива к инновационной деятельности также по всем составляющим ее компонентам: эмоциональному, коммуникативному, гностическому, мотивационному, практическому и рефлексивному.

Седьмой этап. «Изучение, обобщение и распространение в образовательной среде опыта внедрения инновационных технологий».

Цель этапа – обеспечить распространение инноваций в образовательной среде.

Совокупность скоординированных действий педагогов по изучению, обобщению и распространению в образовательной среде опыта внедрения инновационных технологий следующая:

- *выявление и оценка инновационного опыта*, реализующего прогрессивные тенденции в воспитании и обучении, опирающегося на передовые научные достижения и создающего нечто новое в содержании, средствах, способах образовательного процесса и позволяющего достигать оптимально возможных результатов в конкретных условиях;
- *обобщение опыта инновационной работы*; поиск источников и научных основ опыта, закономерностей, факторов, обусловивших успех, показ связей передового опыта с научными достижениями и субъективными формами их реализации.
- *распространение, пропаганда передового опыта*: комплексное ис-

пользование идей, замыслов, средств, приемов, методов, методик, технологий, подходов, закономерностей на основе наглядного показа в ходе открытых занятий, творческих отчетов; обсуждение результатов опытно-экспериментальной работы на семинарах, конференциях;

- *осуществление наставничества* над субъектами, приступающими к подобному освоению нововведений; сбережение и углубление традиций инновационной деятельности.

Результат седьмого этапа – инновация выходит за пределы учреждения. На этом этапе закрепляется готовность всех членов коллектива к инновационной деятельности также по всем составляющим ее компонентам: эмоциональному, коммуникативному, гностическому, мотивационному, практическому и рефлексивному. Закрепляются и корреляционные связи между компонентами готовности к инновационной деятельности (таблица 1).

Наблюдаются наиболее высокие значения коэффициентов ранговой корреляции между компонентами в следующих комбинациях: между эмоциональным и рефлексивным компонентами (0,56); коммуникативным и мотивационным (0,62); гностическим и мотивационным (0,50); мотивационным и коммуникативным (0,62); практическим и рефлексивным компонентом (0,65). Это подтверждает прямую зависимость между всеми компонентами готовности к инновационной деятельности, как интегративного результата инновационного процесса по всем его этапам.

Табл. 1

Корреляционные связи между компонентами готовности к инновационной деятельности

Компоненты	Эмоциональный	Коммуникативный	Гностический	Мотивационный	Практический	Рефлексивный
Эмоциональный	-----	0,50	0,43	0,54	0,38	0,56
Коммуникативный	0,50	-----	0,48	0,62	0,50	0,49
Гностический	0,43	0,48	-----	0,50	0,36	0,45
Мотивационный	0,54	0,62	0,50	-----	0,48	0,58
Практический	0,38	0,50	0,36	0,48	-----	0,65
Рефлексивный	0,56	0,49	0,45	0,58	0,65	-----

Жирным шрифтом выделены значения, соответствующие уровню значимости 0,01.

Сила корреляционной связи: сильная: $\pm 0,7$ до ± 1 ; средняя: $\pm 0,3$ до $\pm 0,699$; слабая: 0 до $\pm 0,299$ корреляция средняя.

References:

1. Gal'perin, P.Ja. Osnovnye rezul'taty issledovaniy po probleme «Formirovanie umstvennykh deystviy i ponjatiy» [The main results of research on "The formation of intellectual actions and concepts"] P.Ja. Gal'perin. – Moskva., Publisher MGU, 1965. – 52 P.

2. Долгова, В.И. Готовность к инновационной деятельности в образовании: [Willingness for innovations in education], monograph, V.I. Dolgova. – Moskva., KDU, 2009. – 228 P.

3. Dolgova, V.I. Issledovanie gotovnosti vypusnikov vuza k vnedreniju innovacionnykh tehnologij - Pis'ma v Jemissija. Offlajn [Research of graduates' preparedness to the implementation of innovative technologies., The Emissia. Offline Letters] – March 2014, ART 217b. - Sankt-Peterburg., 2014. ISSN 1997-8588 – [Electronic resource], Access mode: /2176.htm.

4. Dolgova, V.I. Upravlenie innovacionnymi processami v obrazovanii: sushnost', zakonomernosti i tendencii [Innovation process management in education: the nature,

patterns and trends], V.I. Dolgova, V.A. Tkachenko., Nauka i biznes: puti razvitija [Science and business: ways of development]. – 2012., No. 7(13), pp. 17–22.

5. Problems of formation and development of an innovative culture of the individual and group: resolution of the 2nd session of the sectoral psychological Congress of the IASHE in the field of psychological sciences London, 2013). - Scientific edition by V. Pavlov; S. Georgievski; V. Dolgova. - International Academy of Science and Higher Education. – London., IASHE, 2013. - 150 P.

Литература:

1. Гальперин, П.Я. Основные результаты исследований по проблеме «Формирование умственных действий и понятий», П.Я. Гальперин. – Москва., Изд-во МГУ, 1965. – 52 с.

2. Долгова, В.И. Готовность к инновационной деятельности в образовании: монография., В.И. Долгова. – Москва., КДУ, 2009. – 228 с.

3. Долгова, В.И. Исследование готовности выпускников вуза к внед-

рению инновационных технологий., Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters): электронный научный журнал. – Март 2014, ART 2176. - СПб., 2014 г. – URL: /2176.htm, ISSN 1997-8588.

4. Долгова, В.И. Управление инновационными процессами в образовании: сущность, закономерности и тенденции., В.И. Долгова, В.А. Ткаченко., Наука и бизнес: пути развития. – 2012., No. 7(13), С. 17–22.

5. Problems of formation and development of an innovative culture of the individual and group: resolution of the 2nd session of the sectoral psychological Congress of the IASHE in the field of psychological sciences London, 2013). - Scientific edition by V. Pavlov; S. Georgievski; V. Dolgova. - International Academy of Science and Higher Education. – London: IASHE, 2013. - 150 p.

Information about author:

Valentina Dolgova - Doctor of Psychology, Full Professor, Chelyabinsk State Pedagogical University; address: Russia, Chelyabinsk city; e-mail: 23a12@list.ru

International Academy
of Science and Higher Education

Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov



DIMENSIONS OF PROSOCIAL BEHAVIOR

E. Davidescu, Master in Psychology, Senior Lecturer
Pedagogical University named after I. Creanga, Moldova

In the day by day life most of us spend a lot of time and effort in order to help our peers. By various actions like: offering some information to a person, working as a team member, being close to a person that is in grief, donating goods or money for charity, we demonstrate solidarity to our peers.

Keywords: pro-social behavior, altruism, philanthropy, cooperation, positive action.

Conference participant



Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.1103>

Despite different cultural models promoting individualism, I consider that forming and developing the prosocial behavior of pupils is a topical issue due to the fact that our society needs positive examples, and one of them is caring and helping the others.

In our attempt to offer a rigorous theoretical frame for the prosocial behavior we confronted the problem of defining the term more precisely; in the theoretical international works one can find at least four terms being close to what the prosocial behavior represents, and namely: mutual help, cooperation, altruism and pro-sociality. In some works these terms are used as synonyms for the prosocial behavior while in other works the same terms refer to different or complementary realities [3].

Today both the altruistic behavior, as well as the prosocial one, are the two terms that are most frequently used in the specialty work, however the tendency to use the prosocial term becomes quite strong. In some theoretical works the term of prosocial behavior was overlapped with the altruistic one. In conclusion we can say that when we refer to altruism in fact we refer to "the behavior in the benefit of the other without any external reward" (Macaulay și Berkowitz 1970), being "against personal interest" (Moscovici, 1994, 1998, Chelcea, S., 2004). Other authors (Knickerbocker, Roberta L., 2002) postulate the fact that when we refer to the prosocial behavior in fact we refer to an activity model, while altruism is the motivation to help others through pure consideration to their needs.

There is not any unanimous, generally accepted definition. In place of "prosocial behavior" there are proffered terms like "altruism" (Albrecht, Thomas and Chadwick), "AIDS behavior" (Doivido, Raven și Rubin, Saks și Krupat), "positive action" (Gergen,

Jutras).

The researches made up to these days paid less attention to the personality and behavior of those who call for help. I cannot say that we can speak about a special type of personality, however day by day observations point out a group of people more liable to call for help, while members of the other group thrive to solve their problems by themselves.

The aids behavior is a voluntary act made for the sake of other person.

- the behavioral acts to be made voluntarily;
- these acts should be made for the interest of other person;
- no reward should be expected.

However, our attempt to delineate the dimensions of the prosocial behavior precisely is limited by some difficulties related to identification of the motivation of a person involved in aids activities of his/her peers. The moment we identify the nature of this motivation, we will be able to define the nature of the prosocial behavior and altruism.

The altruistic behaviors represent a subcategory of the aids behaviors and refer to motivated acts of desire to make good to someone, without expecting any personal rewards. Also it is important to mention that while receiving aids some persons are more likely to thank the beneficent person while the others do not manifest the gratitude even verbally. In this sense Michael McCullough and his assistants (2002) speak about the "dispositional gratitude" as a constant of the personality [3].

In the psychological approach of the prosocial behavior considered by Septimiu Chelcea to be a quite recent process, there are reflections back from Antiquity. The stoic philosopher Seneca considered that we owe gratitude to the person that helped us even if the bad thing he made us afterwards is much bigger. In the work "*De beneficii*" he

wrote: "the reward for a good deed is for the intention of doing it" or "I am grateful not for the fact that it is helpful for me, but for I am pleased to be grateful" [1].

In one of the first published works about the prosocial behavior, Mussen and Eisenberg (1977) postulate that it refers to the actions focused on helping the others or for the benefit of others without any reward for the doer. These repeated actions of the organizer involve some costs, self sacrifice and even assuming certain risks. In some ways Baum, Fisher and Singer understand prosocial behaviors as actions that could have positive consequences for others without anticipating any reward.

In order to speak about a prosocial behavior at least two conditions should be fulfilled:

1. Intention to give help to other persons;
2. The freedom of behavioral choice (Hans Werner Bierhoff, 1980).

Other researchers consider three compulsory conditions:

1. Intention to help;
2. The behavioral act to be voluntary;
3. The person who does the behavioral act should not expect any external reward (V.J. Derloga, J. Grazilak, 1982).

Steps in the psychological researches of the prosocial behavior:

1. In the middle 60s the researches concentrated on the norms of responsibility and reciprocity;
2. At the beginning of the 80s the researches were oriented towards the appearing of the spectator and the facts inhibiting the aids behavior;
3. In the 90s the matters of when and why people give help were researched;
4. After 1990 the researches have been concentrated in the direction of clarifying the motivation of the prosocial behavior.

Janusy Reykowski defines the

prosocial behavior as “guidance, help, support; developing of the other persons without expecting any reward”. Or other authors as “action that does not bring benefit except to the one that receives help” [4].

Septimiu Chelcea defines the prosocial behavior as purposeful behavior done during off time and oriented to the support, conservation and promotion of the sociable values. In these definitions we see the necessary and sufficient conditions for the manifestation of the prosocial behavior:

1. Intention to help other persons;
2. Freedom of choice to give help;
3. Giving help out of professional obligations;
4. No reward expectation.

Not every behavior with positive consequences in axiological plan can be characterized as prosocial. It must be intentionally and consciously done.

Paul-Popescu Neveanu defines the prosocial behavior as a process of formation of your own personality according to certain examples and requirements and on the basis of some personal efforts.

Ioan Comănescu considers that in the wide sense the prosocial behavior represents the work with yourself, namely auto modeling of some intellectual capacities, some sentiments, attitudes and personality features.

Andrei Bărnă defines the prosocial behavior as attitude of the human being manifested with the objective to improve own personality.

Steliana Toma considers the prosocial behavior as the behavior that has an objective of self-engagement and making a personal effort for the benefit of others at its basis.

D. Allport in the *Structure and personality development* highlights the fact that “every human being is like all the others, is like others, like no other due to own behavior”.

Chedron and Fleischman (2006) suggest that the prosocial behaviors are voluntary acts that are aimed at helping or contributing to the benefit of other individual or a group of individuals and include things like: sharing, comforting, rescuing, and helping.

The term of prosocial behavior means positive actions for the benefit of

others, determined by empathy, moral values, and rather a sentiment of personal responsibility than a wish for personal benefit. Even if similarities exist between these two terms, in order to understand the essence of the prosocial behavior some authors delineate two categories of positive social behaviors:

- Prosocial behaviors that lead to mutual benefits for both parties involved in the process;
- Prosocial behaviors that lead to the benefit of one party only.

Dispe defines the prosocial behavior as the one with positive social consequences that contributes to the physical and psychic benefit of one person.

Eisenberg specifies that it is about committing some voluntary acts with the intention to make good to other person. The behaviors related to this category include: altruism, helping, attraction, intervention of the passer by, charity actions, cooperation, friendship, rescuing, sacrifice, sympathy and trust. It is important to mention that the determinant factor is the social perspective [5].

Starting from this classification there comes the dichotomy regarding the altruistic and non-altruistic motivation in the prosocial behavior of one person. In this way *Garaigordobii (2005)* understands the prosocial behavior as *the socially positive behavior realized for the benefit of others with or without altruistic motivation*. *Bar-Tal (1982)* sets the defining levels of the prosocial behavior and namely: intention, freedom of choice (not job obligation), done without any external reward.

Currently two categories of the prosocial behaviors are generally accepted in the specialized literature: *specific prosocial behavior* and *global prosocial behavior* (*Carlo și Randall, 2001*).

The specific prosocial behaviors refer to behaviors taking place in a specific situation, when the help is requested, while global prosocial behavior refers to altruistic prosocial behavior, complacent prosocial behavior, emotional prosocial behavior, as well as public or socially desirable prosocial behavior.

In the existing specialized literature the majority of the researchers include

the following actions into the prosocial behavior: *offering goods to others, helping, reacting emphatically to the situation the others face and cooperating*. (*Eisenberg, Cameron, Pastemack, Tryon, 1988, Caprara și colab., 2000; Kerr, Beck, Shattuck, Kattar, Unburu, 2003; Diener, Kim, 2004; Scourfield, Bethan, Neilson, McGuffin, 2004; Hastings, McShane, Parker, Ladha, 2007, Moraes, 2009*). This last definition of the prosocial behavior is much more used because big difficulties were faced in establishing the intention behind the prosocial and specific behaviors. Not every behavior with positive consequences in the axiological plan can be characterized as being prosocial. It must be intentioned and done in a conscious way. Presence of the supporting intention of the social values is compulsory. If a person accidentally stays in front of a factory gate and by this fact frustrates a thief’s plan to steal goods out of this economic entity, this does not mean that he manifests a prosocial behavior, even if the consequence is quite positive. We could speak about a prosocial behavior of the respective person if he tried to prevent the theft by own presence. And this is not the only condition. That person wasn’t obliged to be at his working place, and it happened not during his working hours, and he did not expect any external reward (public greetings, prizes, orders or medals etc.)

S. Chelcea appreciates some behaviors as being very easy to identify as prosocial. Other behaviors need more thorough analysis and their including in the prosocial behavior category remains still a doubted issue. According to his opinion, similarly with the cases of the antisocial behaviors, the judgment at the end the behavioral act orients a person.

A major role in unleashing the prosocial behaviors is played by the sympathy towards the certain person. It modifies the perception of controllability of the causal factors. Sympathy is the cause that makes us provide assistance (in most cases) to the persons that seem like us and have personality features similar to ours.

S. Chelcea remarks that there are different models of assistance depending in the responsibility allocation in the situation requiring the prosocial behavior or the perception of responsibility to find

a solution.

According to Chelcea, **four models of assistance** were distinguished:

1) **Moral model** (in the case of high responsibility concerning both the situation and the search for solution);

2) **Illuminist model** (the one who finds himself in critical situation is responsible for the situation he is in, but he is not responsible or has an insignificant role in finding the solution to the crisis);

3) **Compensating model** (bated responsibility for the critical position in which you are, but big responsibility for solving the problem);

4) **Medical model** (the individual has small responsibility both for the problematic situation and for overcoming it).

The Romanian psycho-sociologist warns us that the four models of assistance are not only applied to the individual situations. They can be applied to large groups, even to some nations or countries.

The prosocial behavior is a learnt behavior. The exposure to the prosocial behavior increases the probability of human mutual help: the more we promote the social values through our behavior, the more we will influence others in the sense of manifesting prosocial behavior [6].

From the perspective of the social psychology the prosocial behavior refers to acting in the direction of the values promoted and accepted by the society. These are values that act implicitly or

explicitly at the level of one group or the society etc. When it is about the behavior and especially the prosocial behavior, the social psychology refers to the altruistic behavior, aids behavior, interpersonal attraction, friendship, etc.

Aids behavior is a side of the prosocial behavior because it is defined as an intentioned act, made for the sake of other person. Intention is a key element of the aids behavior. Also the altruistic behavior is considered to be a subcategory of the prosocial behavior. Both of them refer to positive actions aimed to other social actors without any personal rewards for these deeds, in other words in the social psychology, the altruistic behavior is a side of the prosocial behavior when help is provided by a person expecting no reward.

From the perspective of social psychology the negative behaviors can be defined as being opposite to the prosocial ones: engaging in approbating behaviors is not agreed with the group, society, etc.

Conclusions:

1. The prosocial behavior is a learnt behavior;
2. Exposure to the prosocial behaviors increases the probability of human mutual aid: the more we promote the social values trough our actions, the more we will influence the others in the sense of manifesting the prosocial behaviors;
3. Serge Moscovici (1994/1998) remarks that in a society based on competitiveness selfishness is considered to be

normal, while altruism a deviant behavior. The actions made without any interest, focused on benefiting the others or promoting any sacred ideals, for many seem to have selfish and hidden motivations.

References:

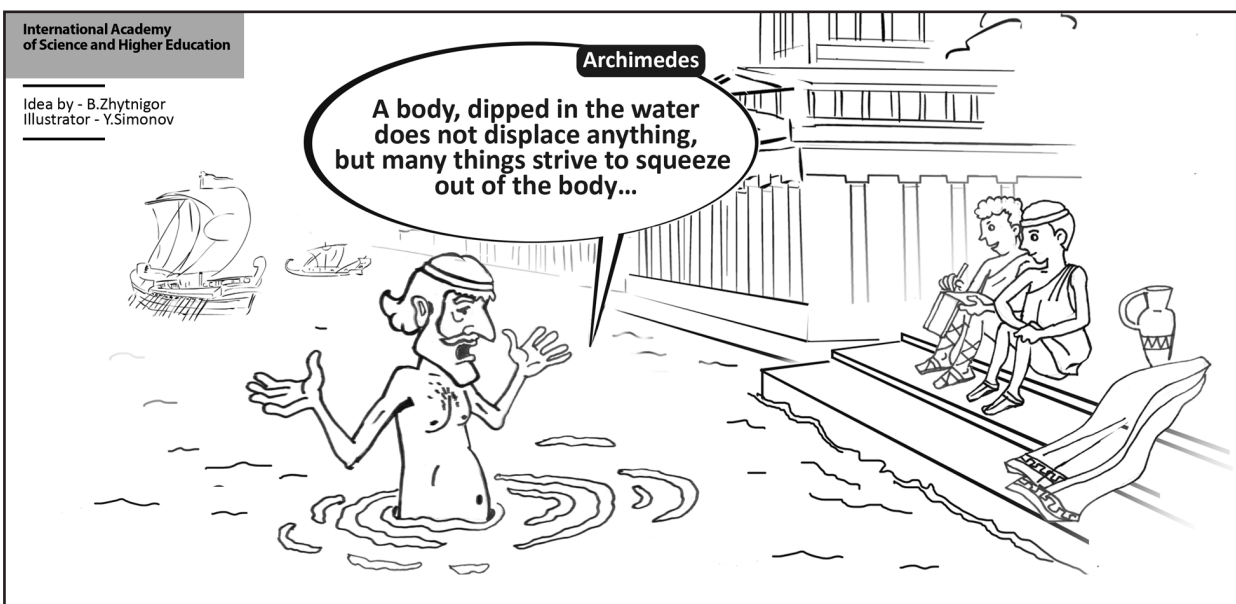
1. Chelcea, Septimiu and Țăran, Constantin. Psycosociology of prosocial behaviour. In S. Chelcea (coord.). Psycosociology of cooperation and human help. București: Military Edition, 1990., pp. 176-201.
2. Chelcea, Septimiu. Prosocial behaviour in A. Neculau (coord.). Social Psychology. Contemporary aspects. Iași: Editura Polirom. 1996.. pp. 438-451.
3. Milcu M., Psychology of interpersonal relations. Competition and conflict, Iași, Polirom, 2005.
4. Septimiu C., Psycosociology. Theories, investigations, applications, Polirom, Iași, 1990
5. Ungureanu M., Formation of prosocial behavior, Drobeta-Turnu-Severin: IRCO Script, 2008.
6. Ungureanu M., School partnership – frame of manifesting moral values, Drobeta-Turnu-Severin: IRCO Script, 2008.

Information about author:

Elena Davidescu - Master in Psychology, Senior Lecturer, Pedagogical University named after I. Creanga; address: Moldova, Kishiniov city; e-mail: davidescue@mail.ru

International Academy
of Science and Higher Education

Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov



PSYCHOLOGY OF ETHNIC IDENTITY OF THE PERSONALITY AS THE ASPECT OF EXTREME ANTHROPOLOGY

R. Masalimov, Candidate of History, Associate Professor
Bashkir State University, Russia

The author discusses the psychological theory of ethnical identity of a personality under the stressful conditions of crises in the society.

Keywords: extraordinary anthropology, psychology, personality, ethnical identity, culture, behavior.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

ПСИХОЛОГИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК АСПЕКТ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Масалимов Р., канд. ист. наук, доцент
Башкирский государственный университет, Россия

Статья посвящена теоретическому анализу этнической идентичности личности с точки зрения психологии в условиях нарастания кризисных и стрессовых явлений в обществе.

Ключевые слова: экстремальная антропология, психология, личность, этническая идентичность, культура, поведение.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике



Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.1104>

В условиях многонациональной и поликультурной российской действительности выяснилось, что мои исследования в области экстремальной антропологии не могут обходиться без психологической методологии, что представляет существенную часть антропологического принципа познания человека и природы. «Проблема человека есть основная проблема философии, — отмечал русский философ Н.А. Бердяев. — Ещё греки поняли, что человек может начать философствовать только с познания самого себя. Разгадка бытия для человека скрыта в человеке» [1]. Естественники против подобного положения нередко приводят вполне очевидные с точки зрения здравого смысла, и, казалось бы, подкреплённые данными науки возражения. Субъективный идеализм ныне мало популярен, и большинство образованных людей убеждены в том, что человеческая цивилизация — продукт эволюции Природы.

Современная философия и космология в их гипотетическом аспекте предлагают новые аргументы в пользу макрокосмичности человеческой сущности. Человек не есть дробная часть мира, в нём заключена цельная загадка и разгадка мира. Во всяком случае, в прошлое всё дальше уходят как вульгарно-материалистические концепции, согласно которым человек — случайное и всецело детерминированное объективными процессами существо, сама разумность которого весьма проблематична, так и упрощённо-гео-

логические построения, исходящие из того, что человек — лишь орудие провидения. К сожалению, формы и методы реализации установки на включение человеческого измерения в состав частных наук в большей части случаев остаются лишь предметом специального поиска. Тем не менее, успехи на этом пути приводят к существенному изменению содержания и ориентиров научного знания в целом.

В этом плане весьма перспективно рассмотрение психологии этнической личности, находящейся в таком специфическом пространстве, как Россия. В самом начале надо обратить внимание на трактовку понятия «этничности», или «национальности». В современной этнологии принято деление народов на три стадийных (исторических) типа: племя, народность, нация. Племя или группа племён были характерны примитивному обществу, то есть первобытнообщинному строю; народность формировалась в период античных и раннесредневековых цивилизаций. Нация появляется в период развития современных социальных отношений и интенсификации экономических связей и отличается от предыдущих типов наибольшей степенью внутренней консолидации. В последнее время говорят также о возможном четвёртом типе этносов — супернации (суперэтноса), характерной современной, постиндустриальной и постмодернистской эпохе, когда множество наций в условиях глобализации и интеграции консолидируются в единую сущность.

Вследствие неравномерности социально-экономической и политического развития разных стран и регионов в настоящее время на Земле сосуществуют различные типы этносов. Однако зачастую весьма сложно определить, к какому типу относится тот или иной

народ, так как у многих из них недостаточно чётко выражены признаки, отличающие нацию от народности, народность — от группы племён. Это связано в первую очередь с тем, что этносы находятся в процессе постоянного развития и трансформации.

Вышеприведённое деление народов весьма условно; оно не отражает всего многообразия существующих на планете форм этнических групп. Картину усложняют существующие во многих странах переходные этнические группы — иммигранты, а также их потомки, частично подвергшиеся ассимиляции основной нацией. Они ещё окончательно не оторвались от народа своей родной страны и целиком не влились в этнос принявшей их страны (к таким группам относятся, например, арабы Магриба во Франции; армяне, грузины, таджики и прочие в России; немцы, итальянцы и некоторые другие в США и Канаде).

Своеобразные «пограничные» группы формируются и в зоне этнических границ, где контактируют два и более народа (например, в западной части Республики Башкортостан башкиры и татары). Характерная черта всех этих групп — наличие двойного и более этнического самосознания.

В «Концепции государственной национальной политики», принятой ещё в 1996 г., понятия «народ», «национальность» в официальном языке используются в этнокультурном значении; они, на деле, приемлемы для обозначения любой этнической общности или этнической группы. В России не было чёткости в использовании этих понятий и в начале XX века. Это было связано с чрезвычайной полиэтничностью российского и советского государства и слабым развитием гражданского общества. Дискуссии вокруг понимания термина «нация» имели не только теоретический характер. Они были связаны с вопросами государственно-политического устройства страны, сохранения или возможности ликвидации национальных республик внутри Российского государства.

Учитывалось, что государственность не должна использоваться для утверждения исключительного положения и узурпации власти титульной этнической общностью, поскольку это противоречило процессу гражданского равноправия. Теперь мы начинаем понимать, что без пристального, внимательного, методически грамотного изучения специфики поведения того или иного этноса невозможно формирование адекватной социальной и государственной политики. В связи с этим особое значение приобретает такая область прикладной социальной психологии, как этническая психология.

В реальной, обычной, жизни как мы рассуждаем? А так: немцы угрюмы, британцы сдержанны, американцы наглые и т.д. Однако этническая психология утверждает, что стереотипы о национальном характере являются вздором. Так вот, граждан 26 стран попросили оценить особенности характера типичных людей из их культуры. А потом сравнили эти шаблоны с опубликованными данными опросов о чертах характера людей из этих стран (и самооценка, и мнение наблюдателей). Стереотипы сравнивали с данными исследований особенностей национального характера по пяти чертам (открытость, добросовестность, экстравертность, покладистость, невротичность), проводилось 15 сравне-

ний. Оказалось: в целом соотношение штампов и реальности чрезвычайно низкое — всего 0,134. По детальным аспектам национальных особенностей картина оказалась не лучше: из 30 аспектов единственной чертой, по которой было существенное соответствие штампов и реальности, стала ранимость. Это для нас весьма примечательный результат, особенно для понимания взаимосвязи этнической идентичности и стрессоустойчивости личности. Вряд ли мы так уж часто наделяем этим качеством какую-либо нацию. Вообще, если соглашаться с шаблонами, то канадцы больше похожи на индусов, чем на американцев; украинцы больше похожи на тайландцев, чем на русских; китайцы из Гонконга больше похожи на венгров, нежели на китайцев из самого Китая...

В целом психологи сочли, что в теории национального характера что-то есть, совпадений при сопоставлении оказалось больше, чем можно объяснить простой случайностью, но всё же очень немного.

Современное состояние этнической психологии, по сути, субдисциплины культурной антропологии, можно охарактеризовать рядом особенностей. Выступая в качестве междисциплинарной области знаний, этническая психология включает элементы таких наук, как этнология, психология, биология, психиатрия, медицина, социология, что накладывает отпечаток на способы анализа и интерпретацию эмпирических данных. Рассматривая развитие этнической психологии как взаимодействие антропологических, этнологических и психологических теорий, можно выделить несколько направлений. Это, прежде всего, психоаналитическое направление, опирающееся как на ортодоксальный психоанализ, так и на новейшую его модификацию — неофрейдизм.

Другое направление современной этнопсихологии связано с изучением личности в различных культурах. Целый ряд сравнительных исследований этнических групп с применением разнообразных психологических тестов позволил исследователям сделать вывод о существовании некоей «модальной личности», отражающей национальный характер. Модальной

личностью оказывался личностный тип, к которому относится наибольшее количество взрослых членов данного общества. В этом случае национальный характер определялся с учётом частоты распространения определённых типов личности в этом этносе.

С точки зрения американского этнопсихолога Джона Хонигмана, главной задачей современной этнопсихологии является исследование того, как индивид действует, мыслит, чувствует в условиях конкретного социального окружения [2]. Он выделяет два типа связанных с культурой явлений: социально стандартизированное поведение (действия, мышление, чувства) некоторой группы и материальные продукты поведения такой общности. Дж. Хонигман вводит понятие «модель поведения», которое определяет как закреплённый индивидом способ активного мышления или чувствования/восприятия. Модель поведения может быть универсальной, реальной или идеальной. В качестве идеальной модели рассматриваются желаемые стереотипы поведения, не получившие, однако, реализации в конкретной жизни.

На основе результатов огромного количества социальных исследований Дж. Хонигман отстаивает тезис о том, что в каждой культуре существует представление об «идеальной личности», образ которой содержит ценностные ориентации, оптимальные для передачи

следующим поколениям. Внутри этнокультурной общности может быть несколько типов «идеальных личностей» в соответствии с полом и социальным статусом. Таким образом, культура как бы определяет социальный стандарт модели поведения, мышления и чувствования личности, являясь прочной основой этносоциальной общности.

Дальнейшее развитие этого направления связано с работами выходца из Китая Ф.Л.К. Хсю, который предложил переименовать направление «культура и личность» в «психологическую антропологию», поскольку это название в большей степени, по его мнению, отражает содержание этнопсихологических исследований

[3]. Согласно Фу Хсю, психологическая антропология имеет дело с осознанными и неосознанными идеями, распространёнными у большинства индивидов в данном обществе, управляющими их действиями и описываемыми в терминах психологии коллективных представлений.

Совсем недавно международная группа психологов во главе с Робертом Макрэйем также пришли к выводу о том, что их данные указывают на устойчивые коллективные представления о национальном характере [4]. Тем не менее, точность таких представлений оказалась весьма ограниченной, что подтверждается данными более ранних работ. Люди довольно верно указывают на реальный возраст и половые различия, однако, у них весьма иллюзорные представления о национальном характере.

Национальные стереотипы зачастую бессмысленны в географическом плане, об этом уже выше было сказано. Стереотипные представления о теплоте межличностного общения тесно связаны со среднегодовой температурой, что является следствием образного мышления. Хотя северные итальянцы составляют половину населения Италии, шаблонное представление о них прямо противоположно образу итальянцев в целом. То есть национальный характер, элементы национальной идентичности на практике способны порождать в обществе весьма серьёзные экстремального характера проблемы. Как не нам, россиянам, этого не знать! Но и в мировой истории есть примеры, которые шокируют явным непониманием психологии национального характера и национальных устремлений «чужих».

В заключение приведём несколько примеров. В начале XX века среди евреев была распространены ожидания лучшего в жизни. Особенно среди евреев Европы, которые мечтали где-нибудь, допустим, в Африке, обрести ро-

дину. Элиезер Бен Йегуда писал тогда: «Если мы захотим, то уже завтра можем стать такими же людьми, как все люди на свете: людьми у которых есть своя страна, где не придётся опасаться изо дня в день, как бы не оказаться неуютными её жителям. Африка – страна великого будущего. Быть может, уже через четверть века там будет новая Америка, быть может – ещё более цветущая, чем Америка! Вблизи предоставленной нам земли обосновываются многие просвещённые народы. С запада – бельгийцы, с юга – немцы, с севера и востока – англичане. Новая жизнь порождается вокруг, и для евреев там тоже будет просто для труда и свершений. То, что мы не смогли бы сделать в другом месте за 20 лет, там мы сделаем за год» [5].

Другой пример уже нашего времени. Один из самых популярных писателей современной Польши Януш Леон Вишневский в своём интервью говорил: «Моя мать родилась в Берлине и после войны влюбилась в моего отца, надзирателя концентрационного лагеря, так что в моей семье стереотипы не могли существовать в принципе. Но могу рассказать интересную историю. Однажды я летел из Лос-Анджелеса на Гавайи. Моя соседка, пожилая немка, сказала, что в Германии иммигранты – источник «многих проблем», например, большинство машин угоняют поляки. Поскольку этот стереотип о соотечественниках меня обижает, я привёл статистику немецкой полиции: 96% автомобилей крадут немцы. Мои слова не убедили даму, и она возразила: «Мы с вами немцы, – знаем, что это ложь» [6].

Итак, одно положение остаётся неизменным: о национальных чертах своего этноса каждый судит положительно, а о характере других – отрицательно. Исключения бывают, но они лишь подтверждают правило. Для понимания психологии этнической сущности личности необходимо

рассмотреть механизмы социального поведения, в частности с позиции «Я-концепции». Но это уже тема следующей публикации.

References:

1. Mir filosofii [World of philosophy]: in 2 vol. – Vol. 2. – Moskva., 1991., p. 50.
2. Honigman John J. The Development of Anthropological Ideas. – Washington., New York., Dorsey, 1976. – 434 P.
3. Hsu F.L.K. Clan, Caste, and Club. – New York., Princeton, 1963. – 335 P.
4. McCrae R.R. & et al. The Inaccuracy of National Character Stereotypes., Journal of Research in Personality. – 2013., No. 47., pp. 831-842.
5. Ha-Shkafa – Obozrenie [Review]. – Ierusalim., 1903.
6. Linija poljota [Flight Line]. – 2013., December., p. 48.

Литература:

1. Мир философии: В 2 т. – Т. 2. – М., 1991. – С. 50.
2. Honigman John J. The Development of Anthropological Ideas. – W., N.Y.: Dorsey, 1976. – 434 p.
3. Hsu F.L.K. Clan, Caste, and Club. – N.Y.: Princeton, 1963. – 335 p.
4. McCrae R.R. & et al. The Inaccuracy of National Character Stereotypes // Journal of Research in Personality. – 2013. – No 47. – P. 831-842.
5. Ха-Шкафа (Обозрение). – Иерусалим, 1903.
6. Линия полёта. – 2013. – Декабрь. – С. 48.

Information about author:

Riyaz Masalimov – Candidate of History, Associate Professor, Bashkir State University; address: Russia, Ufa city; e-mail: istfak10@mail.ru

INFORMATION-RELATED INTERACTION
BETWEEN PROCEDURAL
COMMUNICATORS AND
PSYCHOLOGICAL "IRRITANTS"
AT IDENTIFICATION AND DETECTION
OF CRIMES

I. Konoplytsky, Leading Specialist
Kharkiv National University of Internal Affairs,
NGO of assistance to the youth in the promotion of researches,
Ukraine

In the crime investigation practice nearly every time we face the need for special psychological knowledge in order to determine the ability of the subject to conscious and strong-willed regulation of own behavior in the legally significant situation. It is connected with the fact that the subject of responsibility in this case is the people being in the process of formation of own physiological, psycho-physiological, psychological (including the intellectual, personal) and social development. In this article the general information about procedural communicators and their role at identification and detection of crimes is considered. Meaning of the essentially new concept of criminalistics – psychological "irritant" is opened. Information interaction between the procedural communicators and psychological "irritants" in the process of detection of crimes is revealed.

Keywords: investigator, witness, victim, crime scene, criminal proceedings, communicator, psychological "irritant", perception, criminal.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

ИНФОРМАЦИОННОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
КОММУНИКАТОРОВ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
«РАЗДРАЖИТЕЛЕЙ» ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ
И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Коноплицкий И.Н., вед. специалист
Харьковский национальный университет внутренних дел,
Общественная организация помощи молодежи в продвижении
научных исследований, Украина

В практике расследования преступлений едва ли не всякий раз возникает необходимость в специальных психологических знаниях для установления способности субъекта к осознанно-волевой регуляции своего поведения в юридически значимой ситуации. Это связано с тем, что субъектом ответственности в подобном случае являются люди, находящиеся в процессе становления своего физиологического, психофизиологического, психологического (в том числе интеллектуального, личностного) и социального развития. В данной статье рассматриваются общие сведения о процессуальных коммуникаторах и их роли при выявлении и раскрытии преступлений. Раскрыто значение принципиально нового понятия в криминалистике – психологический «раздражитель». Раскрыто информационное взаимодействие при раскрытии преступлений процессуальных коммуникаторов и психологических «раздражителей».

Ключевые слова: следователь, свидетель, жертва, место преступления, уголовное производство, коммуникатор, психологический «раздражитель», восприятие, преступник.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике



Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.1105>

Деятельность следователя и оперативного сотрудника органа дознания представляет собой процесс постоянного многоканального информационного взаимодействия с коллегами, начальством, надзирающими прокурорами, сведущими лицами, понятыми, защитниками и другими участниками уголовного судопроизводства и физическими лицами.

Любому, даже не посвященному в юридические тонкости человеку, абсолютно ясно, что ни одно производство уголовно-правового характера не может обойтись без информации, хранящейся в памяти участников и наблюдателей совершенных, готовящихся, совершаемых, скрываемых преступлений и других событий, связанных с ними. Выявлению и установлению событий, являющихся предметом уголовно-правового реагирования, также способствуют данные, сообщаемые иными лицами, в силу служебных, бытовых, иных отношений посвященных в обстоятельства, имеющие значение для досудебного и судебного

уголовного процесса. Возможности использования правоохранительными органами, спецслужбами, судами поступающей к ним в официальном или конфиденциальном порядке информации, воистину безграничны.

С учетом данных, полученных от подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, определяются подлежащие установлению обстоятельства исследуемых деяний, строятся оперативно-розыскные и следственные версии, разрабатываются и реализуются программы подготовки и производства отдельных действий, тактических комплексов действий и комбинаций в стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, судебного следствия. Сообщаемые ими сведения позволяют решать розыскные, распознавательные, идентификационные задачи, связанные с выявлением, изобличением и уголовным преследованием виновных.

Человек представляет собой сложную, динамичную информационную

систему, состоящую из множества внешних и внутренних свойств, связей и отношений различного порядка (физических, социальных, психических, психологических, нравственно-этических, биологических). В оперативно-розыскной, следственной, экспертной, прокурорской, судебной практике изучаются самые различные стороны, черты, аспекты личности потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, свидетелей. Установление одних из них носит строго обязательный характер (например, установление возрастной принадлежности, психической состоятельности). Другие выделяются факультативно в зависимости от целей, вида, этапа и других особенностей поисково-познавательной деятельности и ситуационных потребностей.

В человеке информативно все: мысли, душевные порывы, тело, сопутствующие вещи, формы, направления, особенности проявления активности и многое другое, связанное с его сущностью, сферами, видами,

направлениями ее реализации.

Для человека, особенно того, кто является участником правонарушений в уголовном процессе, первичным было, есть и будет слово и то, что заложено в его содержание. Однако не менее значима информация другого типа – невербальная. Криминалистическое наблюдение за невербальными коммуникациями партнера по информационному взаимодействию дает богатую пищу для размышлений и выводов пытливому уму исследователя. (Психологами установлено, что в процессе речевого общения лишь 7% информации передается непосредственно словами. В то же время звуками и интонацией передается до 38%, а жестами, позой, телодвижениями, перемещением в пространстве – до 55% полезной информации.)

Основой невербального поведения являются инстинкты человека. Невербальный язык во многих случаях плохо контролируется сознанием, однако хорошо воспринимается наблюдателем на подсознательном уровне, формируя определенное отношение к говорящему.

Поступающая к коммутатору от другого лица невербальным путем информация, особенно на уровне подсознательных реакций, неконтролируемых сознанием проявлений, является важным ориентиром восприятия, правильной расшифровки, оценки и использования вербальной информации. “Поставщиком” невербальной информации являются самые различные компоненты системы, называемой человеком. Даже устная речь как уникальный инструмент вербального способа информационного взаимодействия несет в себе не только вербальные, но и невербальные сигналы.

Работа следователя, дознавателя, лица, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, – это прежде всего работа с людьми как носителями уголовно-релевантной информации.

Информационное взаимодействие с ними протекает в одних случаях в служебном кабинете правоохранительного органа, в других – в лабораторных условиях, в третьих – в так называемой полевой обстановке. Обмен информацией при этом может про-

исходить с глаза на глаз или публично при участии либо в присутствии других лиц. Однако независимо от того, кто является инициатором коммуникативного контакта, какие цели преследует информационное общение, осуществляется ли оно открыто, в официальном порядке на процессуальной основе или негласно, в тайне от посторонних глаз, в служебное или свободное от работы время, оно никогда не обходится без одного очень важного, неотъемлемого элемента. Этим элементом является окружающая материальная микросреда, или, как говорят еще, реальная обстановка. Ее образуют самые различные объекты материального мира, их связи и отношения: предметы, вещества, материалы и т.д., включенные в информационное взаимодействие. Академик Виктор Глушков на заре советской кибернетики верно подметил, что информацию несут в себе не только испещренные буквами страницы книги или человеческая речь, но и солнечный свет, складки горного хребта, шум водопада и шелест листьев. Особый интерес для коммуникатора представляют субъективно, личностно значимые элементы окружающей микросреды, то, что имеет какое-либо отношение к нему, с чем он так или иначе связан в системе исследуемых по уголовному делу отношений.

Выступая в роли психологического «раздражителя», эти объекты могут оказать значительно большее психологическое воздействие на носителя информации, его мысли, чувства, решения, поступки, нежели обмен вопросами и ответами с оперативником, судьей, судебным экспертом, чем все вместе взятые слова последних.

В узком смысле психологический «раздражитель» включает в себя то, что принято называть “немыми свидетелями”. Имеются в виду самые различные материальные объекты неживой, а также живой, но не говорящей природы, тем или иным образом связанные с исследуемым криминальным или некриминальным поведением (следы-отпечатки, орудия преступления, документы, предметы посягательства и средства их транспортировки, аналоги последних и т.д.).

Если же рассматривать психо-

логический «раздражитель» в более широком контексте, то нельзя не заметить, что этим понятием охватывается не только довольно обширный круг упомянутых “немых свидетелей”, но и множество других элементов реального мира (фактов, событий, процессов и т.д.), включая те, что представляют собой различные варианты проявления активности лиц, осуществляющих расследование, оказывающих допустимое воздействие в отношении своих партнеров по коммуникации, по какую бы сторону баррикад они не находились.

“Психологическая реакция, – как отмечает Н.А. Селиванов, – может быть результатом восприятия в качестве своеобразного реагента не только того самого объекта, который заведомо связан преступлением, но и аналогичного объекта. Даже такой реакции порой достаточно, чтобы сработал “спусковой механизм”, чтобы нарушилось неустойчивое равновесие между мотивом непризнания виновности и мотивом ее признания”. [1]

Использование возможностей психологического «раздражителя» осуществляется с учетом различных ситуационно обусловленных задач. В одних случаях это делается для распознавания внутреннего облика, намерений, связей, отношений, иных признаков носителей личностной криминалистически и юридически значимой информации; в других – для уточнения, конкретизации показаний (в частности, путем стимулирования, активизации воспоминаний об обстоятельствах познаваемого события); в третьих – для распознавания и преодоления лжи, иных деструктивных актов по противодействию расследованию; в четвертых – в целях выявления и изобличения лиц, так или иначе прикосновенных к раскрываемому преступлению, иным познаваемым событиям.

Проблема психологического «раздражителя» актуальна и для следственной, и для оперативно-розыскной, а в ряде ситуаций – и для судебно-экспертной практики. Юристы, практикующие в сфере уголовного судопроизводства, используют его и при производстве допроса, некоторых других следственных действий, про-

изводимых в режиме процессуально-го доказывания, при производстве опроса, а также действий и мероприятий организационно-подготовительного и оперативно-розыскного характера.

В следующих публикациях мы более подробно остановимся на использовании различных видов психологических «раздражителей».

References:

1. Posobie dlja sledovatelja. Rassledovanie prestuplenij povyshennoj obshhestvennoj opasnosti [Tutorial for the investigator. Crimes of the increased public danger]. – Moskva., Liga razum, 1998., p. 12.

2. Prorubov I.I. Nauchnye osnovy doprosa na predvaritel'nom sledstvii [Scientific basis for interrogation at the preliminary investigation]. – Minsk., 1978

3. Enikееv M.I. Psihologija obshhenija sledovatelja s obvinjaemym (podozrevaemym) – Sovremennye problemy rassledovaniya i

preduprezhdenija prestuplenij [Psychology of communication between the investigator and the accused (suspect) – Recent developments in the investigation and prevention of crimes]. – Moskva., 1987., pp. 87–103.

4. Vinokur T.G. Govorjashhij i slushajushhij. Varianty rechevogo povedenija [Speaker and listener. Options for verbal behavior]. – Moskva., Nauka [Science], 1993.

5. Problemy rechevogo vozdejstviya [Problems of speech influence] Russian scientific conference materials., Issue 4. – Rostov-na-Donu., 1996.

6. Antonjan Ju.M., Enikееv M.I., Jeminov V.E. Psihologija prestuplenija i nakazaniya [Psychology of crime and punishment]. – Moskva., Penates–Penaty., 2000., pp. 179–236.

Литература:

1. Пособие для следователя. Расследование преступлений повышенной общественной опасности. – М.: Лига разум, 1998. – С. 12.

2. Прорубов И.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. – Минск, 1978.

3. Еникеев М.И. Психология общения следователя с обвиняемым (подозреваемым) // Современные проблемы расследования и предупреждения преступлений. – М., 1987. – С. 87–103.

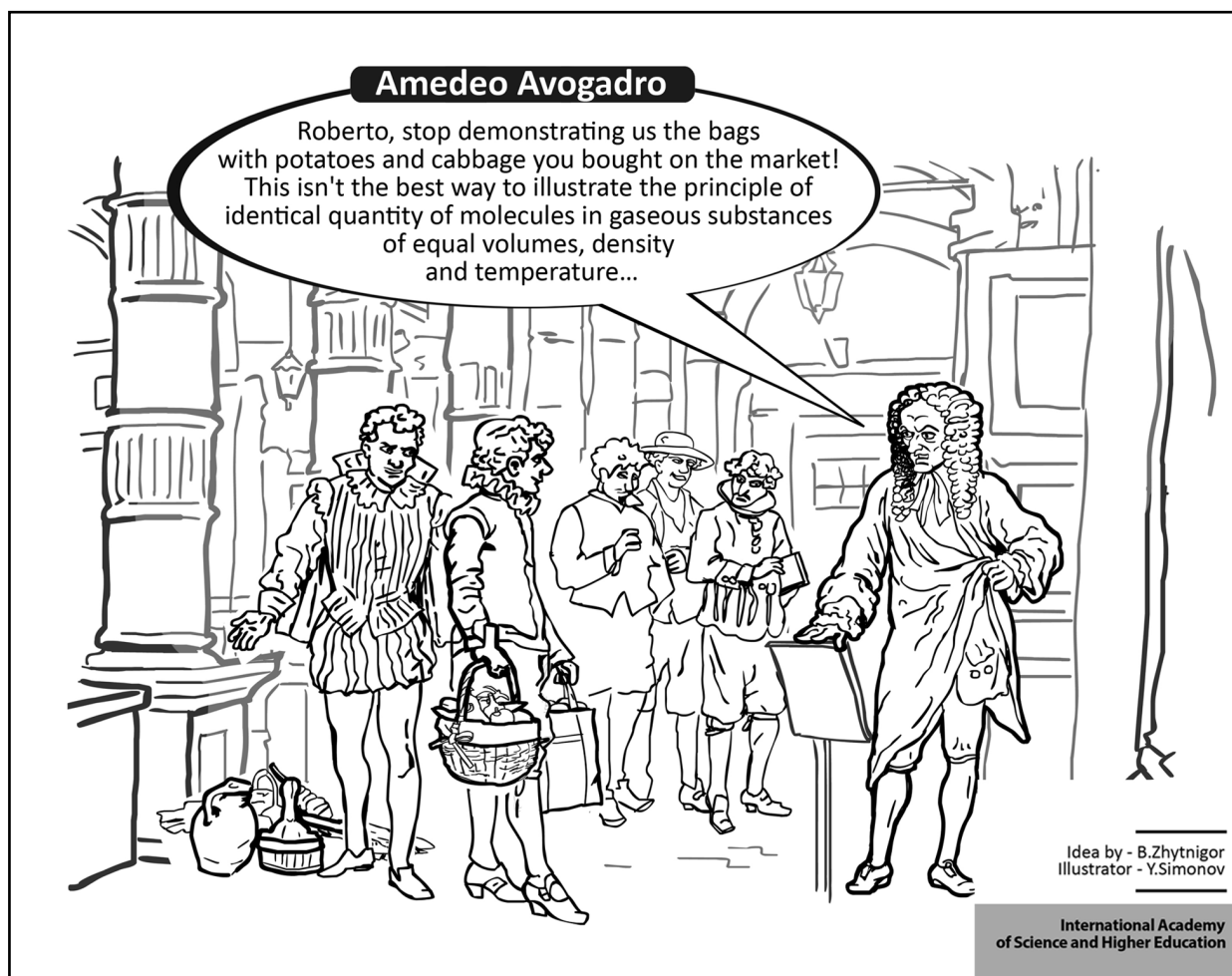
4. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., Наука, 1993.

5. Проблемы речевого воздействия / Материалы Всероссийской научной конференции. – Вып. 4. – Ростов-на-Дону, 1996.

6. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступления и наказания. – М.: Пенатес – Пенаты, 2000. – С. 179–236.

Information about author:

Ivan Konoplytsky – Leading Specialist, Kharkiv National University of Internal Affairs; address: Ukraine, Kharkiv city; e-mail: ivankonoplytsky@bigmir.net



SYSTEM OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL SUPPORT OF PROFESSIONAL ACTIVITY AND THE ROLE OF THE OF PSYCHOEMOTIONAL RELAXATION ROOM

Y. Drab, Candidate of Psychology, Psychotherapist
PJSC "Khmelnitskoblenergo", Ukraine

The author describes a system of physiological support in professional activity; the author has grounded the steps of formation of professional competence and determined the role of psychological relaxation room in organizations.

Keywords: psycho-physiological support, activities in the special conditions, fitness.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

СИСТЕМА ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РОЛЬ КОМНАТЫ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РАЗГРУЗКИ

Драб Я.М., канд. психол. наук, врач-психотерапевт
ПАО «Хмельницкоблэнерго», Украина

Описана система психофизиологического обеспечения профессиональной деятельности, обоснованы этапы формирования профессиональной пригодности и определена роль комнаты психологической разгрузки в организациях.

Ключевые слова: психофизиологическое сопровождение, деятельность в особых условиях, пригодность.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике



Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.1106>

Говоря о психологической готовности и подготовке персонала любых предприятий с разными особенностями условий профессиональной деятельности, целесообразным было бы остановиться на более глубоком изучении вопросов профессиональной пригодности к профессиональной деятельности.

Научно обоснованное определение профессиональной пригодности должно отображать законы взаимосвязи и взаимообусловленности компонентов системы «личность-профессия», основываться на концепции регулирующей роли психического отображения и учитывать особенности проявления внутренних факторов деятельности в регуляции процессов формирования и реализации системной организации личности.

Процесс формирования профессиональной пригодности в ходе профессионализации личности проходит ряд этапов:

- трудовое воспитание и обучение (формирование готовности к работе с пониманием ее потребности и необходимости);
- ориентация (помощь в выборе профессии на основе профессионального образования, консультации, коррекции профессиональных планов);
- отбор (определение степени пригодности кандидата на основе сопоставления его индивидуальных особенностей с требованиями профессии);

– подготовка (обоснование рекомендаций к программам, методикам и средствам обучения, к объективным методам и критериям оценки уровня профессиональной подготовленности);

– адаптация (разработка средств, методов приспособленности личности к условиям деятельности и обоснование рекомендаций по ускорению этого процесса);

– собственно деятельность (обеспечение рациональной организации условий и процесса трудовой деятельности, высокой эффективности, качества, безопасности работы, профессионального усовершенствования);

– аттестация (периодическая оценка профессиональной квалификации с целью определения соответствия занимаемой должности и обоснование рекомендаций по должностным назначениям и перемещениям);

– реабилитация (восстановление функционального состояния организма и психики после напряженной работы и перенесенных заболеваний) [1].

Следует отметить, что определение степени пригодности основывается на учете индивидуальных характеристик личности (психологических, образовательных, профессиональных, медицинских и др.), неудовлетворительное состояние каждой из которых может быть причиной недостаточной пригодности или противопоказанием для конкретного вида деятельности.

Степень пригодности определяется и возможностями компенсации некоторых индивидуально-психологических качеств [2].

Повышение степени пригодности достигается постоянно действующей системой психологического обеспечения, которая предназначена для проведения комплекса социально-психологических, психологических и психофизиологических мер, направленных на повышение адаптивности к стрессу, формирование индивидуальной и групповой профессиональной надежности и обеспечение безопасности деятельности.

Отметим отдельно, что с целью реализации поставленных задач отбора, нам кажется необходимым рекомендовать ряд психофизиологических клинических обследований для профессионального отбора. В частности, к ним относятся: методика экспресс-оценки функционального состояния сердечно-сосудистой системы (ССС) по вариабельности ритма сердца, регистрация артериального давления, электрокардиография, энцефалография, реоэнцефалография, эхоэнцефалография.

Средства и методы обеспечения оптимальной адаптации к деятельности в процессе тренинга психофизиологической саморегуляции функционального состояния организма разнообразны. Хорошо себя зарекомендовали (вне зависимости от специфики выполняемой работы) такие средства

саморегуляции, как релаксация по Джекобсону, контроль дыхания, медитация, эмоционально-волевая тренировка по Филатову, идеомоторная тренировка, мыслительная репетиция, сюжетное сенсорное воспроизведение образов. Кроме этого, целесообразно их дополнить тренингом точечного самомассажа биологически активных точек (БАТ).

Важнейшим компонентом в системе психофизиологического сопровождения сотрудников нам видится организация комнаты психоэмоциональной разгрузки (далее – КППР). Комната психоэмоциональной разгрузки – это специально оборудованное на предприятии помещение, в котором в отведенное время в течение рабочей смены проводятся сеансы по снятию усталости и напряженности у работников.

В основу разработки КППР положена идея имитации в производственных условиях природного окружения. Это эффективное профилактическое средство против влияния неблагоприятных производственных факторов. При этом используются рекомендации по организации динамического и статического светового и звукового климата, а также рекомендации по целенаправленному психофизиологическому воздействию на человека с помощью картин природы. Площадь комнаты психологической разгрузки определяется из расчета не менее 2-х квадратных метров на человека. В комнате не должны ощущаться шум, вибрация и другие возможные неблагоприятные факторы, она должна быть обеспечена действующей вентиляцией. Оптимальная температура помещения – + 20-22° С. Комната оборудуется мягкой мебелью, магнитофоном (музыкальным центром), набором аудиокассет и дисков, видеотехникой. В световом решении интерьера должны преобладать голубой и зеленый цвета, успокаивающие нервную систему.

При необходимости в КППР могут проводиться сеансы индивидуальной и групповой психической саморегуляции (аутогенная тренировка, нервно-мышечная релаксация и т.п.). После сеанса психологической разгрузки у работников обычно повышается на-

строение, работоспособность, внимание, скорость реакции, улучшается общее состояние. Все это приводит к повышению производительности труда. Предлагаем такую характеристику основных задач комнаты психологической разгрузки:

- изучение психологических проблем, возникающих в организации;
- проведение мероприятий по формированию оптимального психологического климата в коллективе работников;
- организация психогигиенической просветительской работы;
- изучение психограмм основных видов деятельности;
- разработка вариантов самовоздействия, которые являются адекватными определенному виду деятельности для здоровых людей и обучение мерам психологической саморегуляции работников с целью улучшения их нервно-психического здоровья;
- подготовка текстов, памяток, инструкций по средствам саморегуляции, их печать и распространение среди работников;
- разработка оптимальной психологической модели для работников, исходя из которой, можно проводить занятия по эмоционально-волевой тренировке и сюжетному представлению.

Перспективным для повышения психологической готовности сотрудников является применение функциональной музыки [3]. Она рассматривается как существенный эмоциональный стимул профессиональной деятельности с учетом особенностей кампании. С помощью музыкальных программ можно стимулировать процесс вхождения в работу или адаптации к изменившимся условиям, поддерживать оптимальный уровень выполнения профессиональной деятельности, активизировать резервные возможности организма при истощении вследствие утомления, способствовать более полному расслаблению в период отдыха. Наиболее эффективны сеансы прослушивания музыки, оптимальная продолжительность каждого из которых составляет 10-15 минут; интервалы между сеансами должны быть не менее 1,5-2 часов.

Противопоказанием к введению

музыкальной терапии во время работы служат те виды деятельности, которые требуют концентрации внимания и умственных усилий. Применение функциональной музыки в этих случаях целесообразно только в течение специально отведенных пауз для отдыха.

Большое значение в формировании дальнейшей профессиональной пригодности, в частности, в борьбе со стрессом, имеют физические упражнения (производственная гимнастика). Физические упражнения являются «лекарством, которых нет в аптеках», потому что движение может по своему действию заменить любое лекарство. Физические упражнения, выполняемые в процессе профессиональной деятельности во время регламентированных и нерегламентированных перерывов, могут носить общий или специальный характер. Примером мер общего характера является традиционная производственная гимнастика. Она имеет наибольшее значение для лиц, работающих в условиях монотонии, сохранения вынужденной рабочей позы. При этом желательно, чтобы комплекс выполняемых упражнений соответствовал характеру деятельности [4]. Упражнения могут проводиться в зависимости от характера деятельности самостоятельно или организованно, они способствуют снижению утомления и повышению работоспособности организма, снятию эмоциональной напряженности. Наиболее эффективны упражнения для мышц плечевого пояса, шеи, вестибулярного аппарата.

Также в КППР проводятся индивидуальные психологические консультации, психологические экспертизы, занятия по саморегуляции, ассертивные тренинги, тренинги моделирования поведения, тренинги повышения адаптивности и осуществляется проведение средств индивидуальной и коллективно-групповой психотерапии.

Внедрение системы психофизиологического обеспечения деятельности способствует улучшению здоровья и надежности профессиональной деятельности и может, таким образом, быть рекомендовано к применению на разнообразных предприятиях.

Необходимо создавать службы психологической подготовки и адаптации персонала, а также разрабатывать регламентирующие документов их деятельности на законодательном уровне, потому что другой путь по внедрению постоянно работающей системы психофизиологического обеспечения, с нашей точки зрения, не будет действенным.

References:

1. Zavalishina, D.N. Sposoby identifikacii cheloveka s professiej [The methods of identification of the person with the profession]. Under A.V. Brushlinskogo's and A.V. Karpova's edition - Psihologija subekta professional'noj dejatel'nosti [Psychology of the professional activity subject]. – Moskva., 2001., pp. 104-129.
2. Karpov, A.V. Psihologicheskaja struktura dejatel'nosti: real'nost' i konceptualizacija [Psychological structure of activities: reality and conceptualization]. Under V.A. Barabanshnikova, A.V. Karpova edition. - Psihologija subekta

professional'noj dejatel'nosti [Psychology of the professional activity subject]. – Moskva., Jaroslavl', 2000., Issue. 2. – 200 P.

3. Povedenie i samoreguljacija cheloveka v uslovijah stressa [Conduct and self-regulation in stress conditions] V.L. Marishhuk, V.I. Evdokimov. – Sankt-Peterburg., Izdatel'skij dom «Sentyabr» [Publishing House "September"]. – 2001. – 260 P.

4. Semikin, V.V. Metodika obuchenija samoreguljarii kak celenapramlennoj dejatel'nosti [The Technique of training self-regulation as a purposeful activity]. V.V. Semikin, V.I. Shhedrov - Metodiki analiza i kontrolja trudovoj dejatel'nosti i funkcional'nyh sostojanij [Methods of analysis and control of labor activity and functional conditions]. – Moskva., IP RAN., 1992., pp. 261-268.

Литература:

1. Завалишина, Д.Н. Способы идентификации человека с профессией / Под ред. А.В. Брушлинского, А.В. Карпова // Психология субъек-

та профессиональной деятельности. – М., 2001. – С. 104-129.

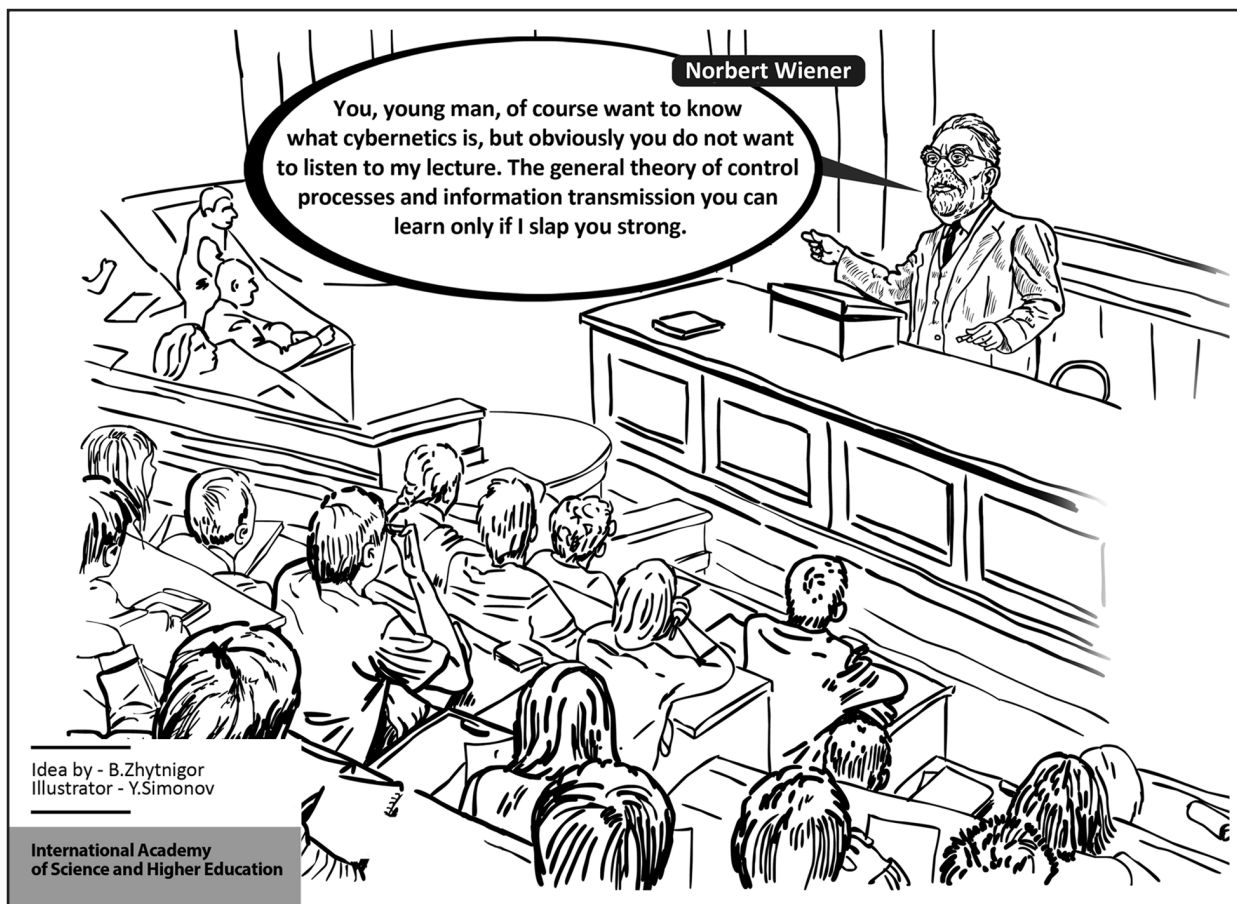
2. Карпов, А.В. Психологическая структура деятельности: реальность и концептуализация / Под ред. В.А. Барабанщикова, А.В. Карпова // Психология субъекта профессиональной деятельности. – М.: Ярославль. – 2000. – Вып. 2. – 200 с.

3. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса / В.Л. Марищук, В.И. Евдокимов. – СПб.: Издательский дом «Сентябрь». – 2001. – 260 с.

4. Семикин, В.В. Методика обучения саморегуляции как целенаправленной деятельности. / В.В. Семикин, В.И. Щедров // Методики анализа и контроля трудовой деятельности и функциональных состояний. – М.: ИП РАН. – 1992. – С. 261-268.

Information about author:

Yaroslav Drab - Candidate of Psychology, Psychotherapist, PJSC "Khmelnitskoblenergo"; address: Ukraine, Hmel'nick city; e-mail: yaroslav.drab@yandex.ua



Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov

International Academy
of Science and Higher Education

U.D.C. 159.922.1

УДК 159.922.1

STRUCTURAL ELEMENTS OF THE
CORE AND PERIPHERY IDEAS OF THE
BEAUTIFUL WOMAND. Pogontseva, Candidate of Psychology, Associate Professor
Southern Federal University, Russia

The author considers the problem of ideas of the beautiful woman from the point of view of the set of personal and physical characteristics. The empirical analysis of representations is provided; the conclusion is made that ideas of the beautiful woman include physical parameters of appearance, personal features and characteristics of her social and psychological status. These structural elements of ideas of the beautiful woman differ in the degree of variability-stability, definiteness-contradictoriness; the importance for the woman to be considered as the member of the "beautiful" group.

Keywords: beautiful woman, core of representations, periphery of representations.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯДРА
И ПЕРИФЕРИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О КРАСИВОЙ ЖЕНЩИНЕПогонцева Д.В., канд. психол. наук, доцент
Южный Федеральный университет, Россия

В статье рассматривается проблема представлений о красивой женщине, с точки зрения совокупности личностных и физических характеристик. Приводится эмпирический анализ представлений, делается вывод что представления о красивой женщине включают физические параметры внешнего облика, личностные особенности и характеристики ее социально-психологического статуса. Эти структурные элементы представлений о красивой женщине отличаются степенью вариативности-устойчивости; определенности – противоречивости; значимости для отнесения женщины к группе «красивые».

Ключевые слова: красивая женщина, ядро представлений, периферия представлений.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.1107>

Изменение социального положения женщин в современном обществе привлекает внимание к изучению «женских проблем», к исследованию «женского взгляда» на фундаментальные вопросы бытия человека. Во все времена и во всех сообществах придавалась особая ценность женской красоте. Каноны женской красоты периодически менялись и не совпадали у разных наций и народов, у различных поколений и социальных групп, но общечеловеческий смысл красоты и феномена «красивая женщина» оставался неизменным. При этом, в современном мире феномен «красивая женщина» обретает новые смыслы, превращаясь в культурно-информационный символ, который говорит о социально-демографическом, экономическом, социальном статусе личности в обществе.

Проблема красоты и внешней привлекательности может изменяться в зависимости от контекста и той области науки, сквозь призму которой мы рассматриваем проблему. Так, говоря об эстетике, следует указать, что древнегреческая «теория красоты» была связана с понятиями ритма, симметрии, гармонии частей; то есть, с общей формулой «единства в разнообразии». В культурологии и искусствоведении красота соотносится с такими терминами как «канон», «золотое сечение», «пропорции»,

«симметрия». Следует отметить, что все эти категории больше относятся к внешнему сложению тела и не затрагивают личностные характеристики. С точки зрения психологического анализа проблему красоты можно отчасти рассматривать через такие категории как «обаяние», «аттрактивность», «привлекательность».

Также необходимо отметить, что наряду с эстетическим понятием красоты (как набора физических параметров), существует этический аспект, который описывает красоту, как набор личностных характеристик («красота души»), как некий нравственный идеал, как одобрительная оценка «поступков и отношений». Так в своей работе М.И. Володинова [1] рассматривает понятие нравственного идеала. Автор отмечает, что этика изучает общие законы функционирования нравственного идеала в общественном сознании, в тоже время в контексте психологической науки понятие идеала связано с выявлением представлений о нравственном идеале на уровне индивида и социума, с фиксацией личностных впечатлений о нравственных поступках, отвечающих идеалу, со значением и местом в социально-психологических процессах примеров и образцов подлинно нравственных людей [1]. Таким образом, нравственный идеал передается от поколения к поколению через традиции, благодаря

памяти о конкретных людях и живых образах нравственных личностей, в той или иной степени воплотивших этот идеал. Можно также отметить, что к этическим категориям относят: добро, благо, справедливость, долг, совесть, ответственность, достоинство и честь. Соотношение красиво – некрасиво не тождественно, соотношению добро и зло, но зачастую соотношения этих понятий подменяются. Особо необходимо отметить связь таких категорий как красота-истина-добро, как неразрывного триединства. Однако в большинстве работ современных и зарубежных исследователей, данные вопросы рассматриваются вскользь, а термин «красота» в психологии практически не затрагивается. В тоже время, теоретические предпосылки имеются в работах В. Бодалева [1], В.Н. Панферова [6], В.А. Лабунской [3, 4, 5]? Д.В. Погонцевой [7], С.Н. Яременко [8].

Исходя из теоретического анализа **цель нашего исследования:** выявить структурные элементы ядра и периферии представлений о красивой женщине.

Гипотеза исследования: Структурные элементы, образующие ядро и периферию представлений о красивой женщине, могут отличаться: степенью значимости для отнесения женщины к группе «красивые»; степенью устойчивости – вариативности; противоре-

чивости.

Объект эмпирического исследования – 170 женщин, из них 85 человек в возрасте от 17 до 21 года и 85 человек в возрасте от 30 до 55 лет.

Методики исследования: анкета «Оценка соответствия физических параметров внешнего облика, личностных особенностей и характеристик социально-психологического статуса представлению о красивой женщине». Данная анкета состояла из трех частей: часть 1. «Оценка соответствия физических параметров внешнего облика представлению о красивой женщине». Данная часть анкеты включает 63 характеристики физических параметров внешнего облика, которые объединены в подгруппы: фигуры/телосложения; формы и цвет глаз; структура и цвет волос; форма губ; руки и ноги; лицо и его оформление; цвет и структура кожи; часть 2. «Оценка соответствия личностных особенностей представлению о красивой женщине», которая включает 33 характеристики личностных особенностей. Перед участниками исследования стояла задача оценить по 7-бальной шкале, насколько предложенные характеристики соответствуют представлению о «красивой женщине»; часть 3. «Оценка соответствия представлению о красивой женщине социального и психологического статуса», которая включала вопросы для уточнения социально-психологического статуса (семейного положения, уровня образования, взаимоотношения на работе и т.д.). Методика исследования гендерной идентичности в адаптации М. Бураковой (2000), использовалась нами для

изучения представлений респондентов о маскулинности и феминности красивой женщины, а также для определения гендерной идентичности участниц исследования. Она представляет собой семантический дифференциал из 30 пунктов – по 10 пунктов в шкалах маскулинности, феминности и 10 пунктов – нейтральных характеристик. Каждый пункт оценивается по 7-бальной шкале. Исходя из количества баллов, набранных по шкалам маскулинности и феминности, определяется вид гендерной идентичности красивой женщины.

В результате анализа кватилированных значений оценки соответствия характеристик представлением о красивой женщине, нами было выделено ядро и периферия представлений о красивой женщине, представленные на рисунке 1.

Представления включают характеристики «внешней» и «внутренней» красоты женщины. Они входят как в ядро представлений, так и находятся на его периферии. Исходя из теории социальных представлений, ядерные характеристики являются наиболее устойчивыми, отражают групповые тенденции в интерпретации женской красоты, а периферийные характеристики в большей степени свидетельствуют об индивидуальном опыте осмысления различных показателей женской красоты, отличаются вариативностью. В ядре представлений совмещены устойчивые характеристики физического компонента внешнего облика, личностные особенности красивой женщины, ее образовательный статус и возрастной диапазон.

Периферийные характеристики, вошедшие в представление о красивой женщине, имеют более низкий уровень значимости для процессов отождествления женщины с группой «красивые», но, соединяясь по-разному с ядерными характеристиками, они влияют на возникновение эффекта «вариативности» представлений о красивой женщине. Данные характеристики мы разделили на три группы: те, которые входят в представления только у молодых девушек, те которые входят в представления у зрелых женщин и те, которые являются общими для двух групп (табл. 1).

Таким образом, мы можем говорить о том, что для молодых девушек обязательными характеристиками в описании красивой женщины являются физические параметры внешнего облика (стройная, длинные ресницы, густые волосы), а так же такие личностные характеристики как образованная, независимая, харизматичная и с широким кругозором. В то время как женщины старшего возраста делают акцент на ее личностных характеристиках, таких как: вежливая, тактичная, мудрая, доброжелательная, дружелюбная, любящая и самостоятельная.

Существуют значимые различия в оценках молодых и взрослых участников исследования соответствия физических параметров внешнего облика и личностных особенностей, вошедших в представления о красивой женщине. У молодых участников исследования выше значимость в представлениях о красивой женщине таких личностных особенностей, как:

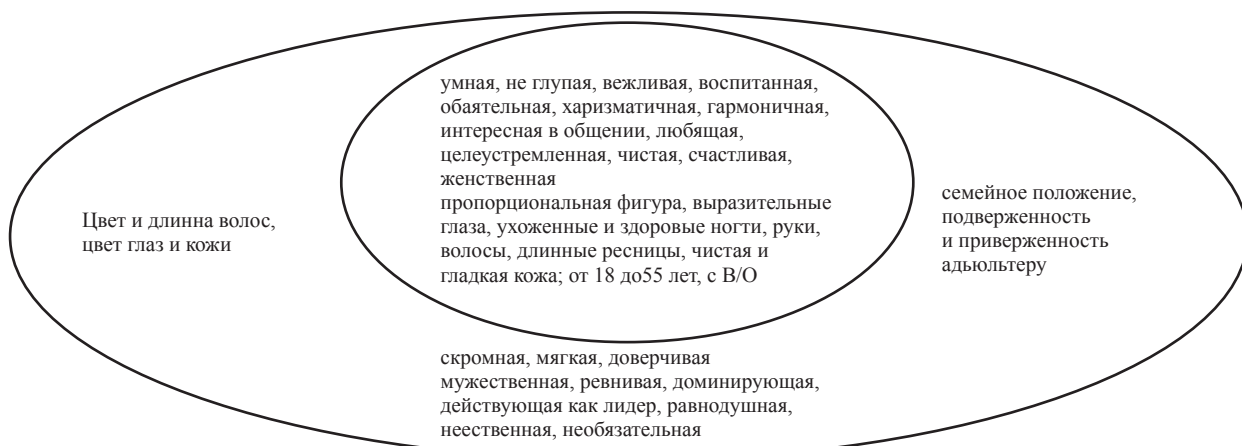


Рис. 1. Ядро и периферия представлений о красивой женщине

Таблица 1.

Ядерные характеристики и характеристики периферии описаний красивой женщины разными возрастными группами

Ядро представлений	Молодые	Общие		Зрелые
	Независимая	Обаятельная	Пропорциональная	Любящая
	Образованная	Чистая	Выразительные	Дружелюбная
	Широкий кругозор	Женственная	Длинные волосы	Самодостаточная
	Харизматичная	Счастливая	Ухоженные волосы	Доброжелательная
	Стройная	Умная	Здоровые волосы	Мудрая
	Длинные ресницы	Интересная в общении	Чувственные губы	Вежливая
	Густые волосы	Не глупая	Маникюр	Тактичная
		Воспитанная	Ухоженные ногти	
		Гармоничная	Ухоженные руки	
		Любящая	Чистая кожа	
		Целеустремленная	Гладкая кожа	
Периферия	Миндалевидные глаза	90-60-90	Неестественная	Сильная физически
		Полная, но не толстая	Необязательная	
		Худая	Равнодушная	Зеленые глаза
		Высокая	Мужественная	
		Осиная талия	Ревнивая	
		Песочные часы	Доверчивая	
		Не высокого роста	Карие глаза	
		Широкие бедра	Серые глаза	
		Короткие волосы	Щеки с румянцем	
		Блондинка	Вьющиеся волосы	
		Рыжие волосы	Без макияжа	
		Русые волосы	Темная кожа	
		Без челки	Тонкие губы	

доброжелательная ($t=2,67$; $p<0,05$); умная ($t=2,65$; $p<0,05$); интересная в общении ($t=2,20$; $p<0,05$); начитанная ($t=3,25$; $p<0,05$); образованная ($t=3,72$; $p<0,05$); разносторонне развитая ($t=2,54$; $p<0,05$); широкий кругозор ($t=4,33$; $p<0,05$); отзывчивая ($t=2,17$; $p<0,05$); умеет поддержать ($t=2,30$; $p<0,05$); верная ($t=2,93$; $p<0,05$); харизматичная ($t=4,21$; $p<0,05$) и целеустремленная ($t=3,88$; $p<0,05$). Корреляционный анализ по Спирману также демонстрирует что имеется прямая корреляционная зависимость между возрастом и такой характеристикой как: доброжелательная ($r=0,19$; $p<0,05$); и обратная корреляционная связь между показателем возраста и такими характеристиками, как умная ($r=-0,16$; $p<0,05$); интересная в общении ($r=-0,16$; $p<0,05$); начитанная ($r=-0,19$; $p<0,05$); образованная ($r=-0,22$; $p<0,05$); разносторонне развитая ($r=-0,18$; $p<0,05$); с широким кругозором ($r=-0,27$; $p<0,05$); верная ($r=-0,19$; $p<0,05$); харизматичная ($r=-0,31$; $p<0,05$) и целеустремленная

($r=-0,26$; $p<0,05$).

Были выявлены значимые различия в описании внешнего облика красивой женщины по таким характеристикам, как: худая ($t=2,62$; $p<0,05$); стройная ($t=2,05$; $p<0,05$); среднего роста ($t=2,66$; $p<0,05$); голубые глаза ($t=2,36$; $p<0,05$); зеленые глаза ($t=2,77$; $p<0,05$); длинные ресницы ($t=2,88$; $p<0,05$); пушистые/густые ресницы ($t=2,01$; $p<0,05$); прямые волосы ($t=2,58$; $p<0,05$); густые волосы ($t=4,44$; $p<0,05$); без челки ($t=2,03$; $p<0,05$); брнетка ($t=2,97$; $p<0,05$); темные волосы ($t=2,76$; $p<0,05$); тонкие пальцы рук ($t=2,72$; $p<0,05$); гладкая кожа ($t=1,99$; $p<0,05$). Корреляционный анализ Спирмена также обнаружил обратную корреляционную зависимость между возрастом и такими характеристиками, как: худая ($r=-0,22$; $p<0,05$); фигура «песочные часы» ($r=-0,15$; $p<0,05$); среднего роста ($r=-0,20$; $p<0,05$); выразительные глаза ($r=-0,16$; $p<0,05$); голубые глаза ($r=-0,18$; $p<0,05$); зеленые глаза ($r=-0,19$; $p<0,05$); длинные

ресницы ($r=-0,25$; $p<0,05$); прямые волосы ($r=-0,17$; $p<0,05$); густые волосы ($r=-0,30$; $p<0,05$); ухоженные волосы ($r=-0,16$; $p<0,05$); брнетка ($r=-0,22$; $p<0,05$); темные волосы ($r=-0,21$; $p<0,05$); тонкие пальцы рук ($r=-0,20$; $p<0,05$).

Исходя из анализа, можно констатировать, что представления о красивой женщине включают физические параметры внешнего облика, личностные особенности и характеристики ее социально-психологического статуса. Эти структурные элементы представлений о красивой женщине отличаются степенью вариативности-устойчивости; определенности – противоречивости; значимости для отнесения женщины к группе «красивые».

В результате сочетания многообразных характеристик физических параметров внешнего облика, социально-психологического статуса, личностных особенностей функционирует одновременно множество представлений о красивой женщине. Наиболее вариативным компонентом

представлений о красивой женщине являются физические характеристики внешнего облика. «Эффект вариативности» представлений о физических параметрах внешнего облика красивой женщины создает сочетание устойчивых характеристик физических параметров внешнего облика и динамических. Наиболее однозначными выступают личностные особенности красивой женщины, наиболее противоречивыми являются характеристики социально-психологического статуса красивой женщины.

Устойчивые, определенные и значимые характеристики физических параметров внешнего облика, социально-психологического статуса и личностных особенностей соответствуют стандартному, практически, не изменяющемуся на протяжении длительного времени представлению о женской красоте. Это представление включает: набор устойчивых характеристик физических параметров внешнего облика (рост-вес-фигура: цвет, форма, размер глаз; цвет, длина волос), личностных особенностей (сочувствующая, заботливая; умеет выслушать; тактичная; отзывчивая, толерантная; гармоничная, понимающая; искренняя, любящая, ласковая, готова помочь, умеет поддержать), характеристик социально-психологического статуса красивой женщины (счастливая, переживает по поводу своего внешнего облика, ей завидуют).

References:

1. Bodalev A.A. *Vospriatie i ponimanie cheloveka chelovekom* [Perception and understanding of the person by the person]. - Moskva., Publisher - Moscow University, 1982. - 199 P.
2. Volovikova M.I. *Nravstvenno-pravovye predstavleniya v rossijskom mentalitete* [Moral and legal representation in the Russian mentality]., *Psychological Journal.*, 2004., No 5., pp. 16-23.
3. Labunskaja V.A., Gerasimova O.V. *Gendernaja identichnost' i gendernaja interpretacija parfjumnyh zapahov* [Gender identity and gender interpretation of the perfume smells]., *Mir psihologii* [World of Psychology]., No 2., 2004., pp. 175-185.
4. Labunskaja V.A. *Interpretacija neverbal'nogo povedenija v*

mezhlchnostnom obshhenii [Interpretation of non-verbal behavior in interpersonal communication]., *Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora psihologicheskikh nauk* [Abstract of dissertation for the Doctor of Psychology degree]. - Moskva., 1989.

5. Labunskaja V.A., Narovskaja Ja.B. *Osobennosti samoocenki vneshnego oblika v zavisimosti ot pola i vozrasta* [Features of self-appearance assessment depending on age and gender]., *Severo-kavkazskij psihologicheskij vestnik* [North Caucasian psychological Bulletin]., No 2., 2004., pp. 150-153.

6. Panferov V.N. *Vospriatie i interpretacija vneshnosti ljudej* [The perception and interpretation of people's look]., *Questions of Psychology.*, 1974. No. 2., pp.59-64.

7. Pogonceva D.V. *Social'no-psihologicheskie osobennosti predstavlenij zhenshin o krasivoj zhenshhine* [Socially-psychological features of women's ideas of the beautiful woman]., *dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata psihologicheskikh nauk* [Dissertation for the Candidate of Psychology degree]. - Rostov-na-Donu., South Federal University., 2010.

8. Jaremenko S.N. *Vneshnost' cheloveka v kul'ture* [Person's look in the culture]. - Rostov-na-Donu., DSTU, 1997., p. 172.

2. Воловикова М.И. *Нравственно-правовые представления в российском менталитете* // *Психологический журнал.* 2004. № 5. С. 16-23.

3. Лабунская В.А., Герасимова О.В. *Гендерная идентичность и гендерная интерпретация парфюмерных запахов* // *Мир психологии.* №2. 2004. С. 175-185.

4. Лабунская В.А. *Интерпретация невербального поведения в межличностном общении* // *Авторыферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук* - Москва, 1989.

5. Лабунская В.А., Наровская Я.Б. *Особенности самооценки внешнего облика в зависимости от пола и возраста. Северо-кавказский психологический вестник.* № 2. 2004. С. 150-153

6. Панферов В.Н. *Восприятие и интерпретация внешности людей* // *Вопросы психологии.* 1974. №2. С.59 - 64.

7. Погонцева Д.В. *Социально-психологические особенности представлений женщин о красивой женщине* // *диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Южный федеральный университет.* Ростов-на-Дону, 2010

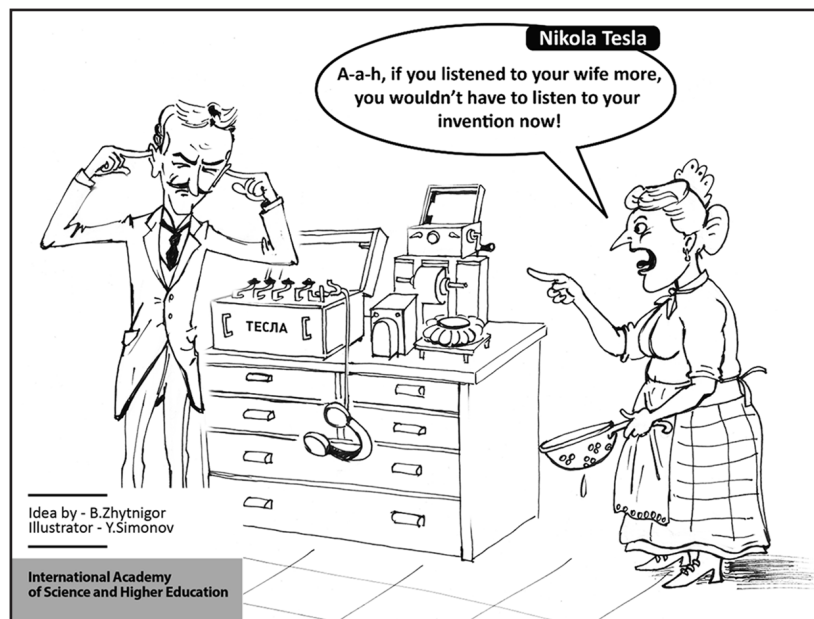
8. Яременко С.Н. *Внешность человека в культуре.* Ростов-на-Дону: ДГТУ, 1997. С.172.

Information about author:

Daria Pogontseva – Candidate of Psychology, Associate Professor, Southern Federal University; address: Russia, Rostov-on-Don city; e-mail: expert37@inbox.ru

Литература:

1. Бодалев А.А. *Восприятие и понимание человека человеком.* М.: Изд-во Московского университета, 1982. 199 с.



MEN'S AND WOMEN'S IDEAS OF BEAUTIFUL WOMEN

D. Pogontseva, Candidate of Psychology, Associate Professor
Southern Federal University, Russia

Results of the research of men's and women's (464 persons: 232 women and 232 men) ideas of the physical look of the beautiful woman and her personal peculiarities are presented in the report. The author provides features natural for men and for women, as well as the common traits. It is shown that men use smaller number of characteristics, than women. At the same time these descriptions are similar.

Keywords: beauty, physical appearance, personal characteristics, beautiful woman, man, woman.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН О КРАСИВЫХ ЖЕНЩИНАХ

Погонцева Д., канд. психол. наук, доцент
Южный Федеральный Университет, Россия

В статье представлены результаты исследования представлений мужчин и женщин (464 человека - 232 женщины и 232 мужчины) о физическом облике красивой женщины и ее личностных особенностях. Составлены описания характерные для мужчин, для женщин и общие характеристики. Показано, что мужчины используют меньшее количество характеристик, чем женщины. В то же время данные описания – схожи.

Ключевые слова: красота, физический внешний облик, личностные характеристики, красивая женщина, мужчина, женщина.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике



Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.1109>

В современном обществе наблюдается повышенный интерес к социальной психологии женщин, обусловленный динамикой трансформации сложившихся гендерных отношений и связанных с ними экономических преобразований. Изменение социального положения женщин привлекает внимание к изучению «женских проблем», к исследованию «женского взгляда» на фундаментальные вопросы бытия человека. Начиная со второй половины двадцатого века развиваются как самостоятельные направления в гуманитарных науках, «женские» и «мужские» исследования, выводом которых стал отказ от «смешения» мужских и женских представлений о самых разнообразных культурных, социальных и иных явлениях [Батлер Д., 2000; Брайдотти Р., 2000; Костикова А.А., 2001; Оукли Э., 2001; Пушкарева Н.Л., 2007; Ярская-Смирнова Е.Р., 2006]. Современная социальная психология, занимаясь изучением социальных представлений о женщинах (политике, бизнесмене, учителе, враче), анализируя социальные представления о предназначении женщин и мужчин в обществе [Ильин Е.П., 2001], в большей степени обращает внимание на сам объект представлений – женщину и, в меньшей степени, акцентирует внимание на исследовании женщин как субъектов представлений о женщине. Данный ракурс изучения «женского взгляда» на женщину приобретает особое значение в связи с исследованием представлений о женской красоте или

красивой женщине.

Во все времена и во всех сообществах придавалась особая ценность женской красоте. Каноны женской красоты периодически менялись и не совпадали у разных наций и народов, у различных поколений и социальных групп, но общечеловеческий смысл красоты и феномена «красивая женщина» оставался неизменным. В современном мире феномен «красивая женщина» обретает новые смыслы, превращаясь в культурно-информационный символ, который говорит о социально-демографическом, экономическом, социальном статусе личности в обществе. Практика поддержания красоты становится в наше время абсолютно легитимной, утратили силу все давние ограничения на ее распространение [Липовецкий Ж., 2003]. Мы являемся свидетелями индустриализации красоты, подчинения ее законам рынка, появления в связи с этим новых видов профессиональной деятельности.

Понятие «красота» в контексте восприятия человека чаще всего употребляется в связи с оценками внешнего облика женщины [Либина Е.В., 2001; Суэми В., Фернхем А., 2009]. Акцент на «внешней красоте» способствует масштабной эскалации визуальных образов «красивой женщины», увеличивает стремление к совершенствованию своего внешнего облика, а вместе с этим повышает степень «обеспокоенности своей внешностью», которая достигла в современном мире размеров эпидемии

[Рамси Н., Харкот Д., 2009; Carr A., Harris D., 2005]. В социальной психологии внешнего облика обсуждается новый вид дискриминации: «looking» – преследование на основе внешнего облика. Этот вид дискриминации основывается на нормах «красивого/уродливого» [Суэми В., Фернхем А., 2009]. «Маскулинная эстетика», вынуждающая женщин стремиться к неким эталонам красоты, начинает рассматриваться как подавляющая женщин, лишаящая их индивидуальности, как средство дискриминации [Вольф Н., 2004; Гросс Э., 2001; Дворкин А., 2002].

Таким образом, оценка женской красоты сквозь призму физических компонентов внешнего облика ведет не только к возникновению новых негативных социально-психологических феноменов, но и вступает в противоречие с трактовками женской красоты как репрезентации телесно-душевно-духовного единства, как гармонии «внешней» и «внутренней» красоты. Учитывая данный вывод, одной из проблем современной социальной психологии является проблема создания целостного образа «красивой женщины», проблема рассмотрения женской красоты, как интегратора «внешней» и «внутренней» формы [Зинченко В.П., 2005]. С социально-психологической точки зрения объединение этих компонентов женской красоты может происходить в результате конструирования социальных представлений, которые являются не только научным понятием, но и фе-

номеном повседневной жизни, группового социального познания [Абульханова-Славская К.Г., 2001, 2002; Андреева Г.М., 2005; Бовина И.Б., 2009; Донцов А.И., Емельянова Т.П., 1984; Московиси С., 1998; Стефаненко Т.Г., 2009], выполняющего функции облегчения коммуникации, регуляции поведения и оправдания социальных отношений.

Изучая представления женщин о красивой женщине, мы определяем способ интерпретации и осмысления определенной группой феномена «красивая женщина», той группой, которая чаще всего обращается к услугам индустрии красоты, для которой, по мнению различных СМИ, «красота» становится товаром, которая больше других подвержена дискриминации, в отношении которой все

чаще высказывается требование, что женщина должна быть: «и умная, и красивая, и счастливая».

В нашем исследовании приняли участие 464 человека (232 женщины и 232 мужчины). Нами был использован метод «свободных описаний женской красоты», после чего «вербальные описания были подвергнуты контент-анализу, на основе которого был определен набор параметров, относящихся к физическому облику красивой женщины и ее личностным особенностям.

В качестве физических параметров внешнего облика чаще всего назывались: стройная, длинные волосы, большие глаза. В таблице 1 приведены частоты физических параметров внешнего облика, которые вошли в представление о красивой женщине.

В ней также зафиксированы данные, отражающие влияние полового фактора на частоту употребления определенных физических параметров внешнего облика в процессе описания красивой женщины.

В описании личностных характеристик красивой женщины было использовано 553 характеристики. Мужчины использовали 316 характеристик, женщины указали 353 характеристики. «Общими» характеристиками являются 116 характеристик. Однако если при описании физических параметров внешнего облика красивой женщины частота выбора одних и тех же характеристик отличалась, то, описывая личностные характеристики красивой женщины, и мужчины, и женщины описали схожие портреты (табл. 2).

Табл. 1

Распределение характеристик физических параметров внешнего облика, вошедших в представление о красивой женщине (в %)

№	Женщины		Мужчины		Всего	
1.	Стройная	28	Стройная	27	Стройная	28
2.	длинные волосы	26	длинные волосы	23	длинные волосы	25
3.	большие глаза	16	Брюнетка	11	большие глаза	10
4.	Опрятная	13	голубые глаза	11	Высокая	8,5
5.	Высокая	12	темные волосы	9	ухаживает за собой	8
6.	ухаживает за собой	12	Блондинка	9	Опрятная	8
7.	Ухоженная	11	стройная фигура	7	Брюнетка	7,5
8.	среднего роста	10	карие глаза	7	голубые глаза	7,5
9.	Аккуратная	10	хорошая фигура	7	темные волосы	7
10.	правильные черты лица	10	большие глаза	6	Блондинка	6

Табл. 2

Распределение характеристик, описывающих личностные особенности красивой женщины (в %)

	Женщины		Мужчины		Всего	
1.	Добрая	61	Добрая	39	Добрая	50
2.	Умная	41	Умная	38	Умная	39
3.	Понимающая	17	чувство юмора	19	Понимающая	17
4.	Отзывчивая	16	Понимающая	18	чувство юмора	14
5.	Нежная	11	Отзывчивая	13	отзывчивая	14
6.	чувство юмора	10	веселая	10	нежная	10
7.	Заботливая	10	Общительная	9	веселая	10
8.	Мудрая	9	Нежная	8	общительная	8
9.	уверенная в себе	8	Заботливая	6	заботливая	8
10.	веселая	7	Ласковая	5	уверенная в себе	6

Красивую женщину описывают как обладающую такими социально-психологическими характеристиками, как добрая, умная, понимающая, с чувством юмора, отзывчивая, нежная, веселая. Можно также отметить, что женщины, описывая социально-психологические характеристики красивой женщины, чаще указывали на такие характеристики, как мудрая и уверенная в себе. Мужчины, описывая социально-психологические характеристики красивой женщины, чаще указывали на такие характеристики, как общительная и ласковая.

Следует также отметить, что в представления о красивой женщине не входят такие характеристики, как «улыбка», «улыбчивость», которые объединяют «внешнюю» и «внутреннюю» красоту.

В ходе анализа, мы разделили ответы, описывающие физические параметры внешнего облика красивой женщины на несколько подгрупп: описания фигуры/телосложения, описания формы и цвета глаз, описания структуры и цвета волос, описания формы губ, описания лица и его оформления, описания цвета и структуры кожи, описание рук и ног. Данные группы были выделены с использованием большого толкового словаря с идеографическим описанием.

На основе анализа описаний личностных характеристик, нами были отобраны 33 наиболее часто указываемых характеристики, которые условно можно разделить на четыре группы: характеристики описывающие интеллектуальные способности (умная, мудрая, не глупая); эмпатичность (заботливая, умеет выслушать, умеет поддержать); характеристики «доброты» (добрая, доброжелательная) и другие характеристики (харизматичная, эмоциональная).

Анализируя результативные характеристики, мы можем отметить, что описывая как физические характеристики внешнего облика, так и личностные характеристики красивой женщины респонденты-мужчины использовали меньшее количество характеристик. Данный результат, подтверждает результаты других ученых [21], о том, что речевые способности у девушек развиты лучше, чем

у мужчин, а также утверждение о том, что существуют гендерные различия во владении лексиконом. Гендерные различия во владении лексиконом подтверждают данные о вариативности характеристик. Так мужчинами при описании внешне красивой женщины было названо 399 – различных характеристик, в то время как женщины назвали 414 различных характеристик. При этом женщины назвали 246 характеристик, которых не указали мужчины, в то время как мужчины указали 231 характеристику

Анализ полученных данных также позволяет говорить о том, что на данном этапе существуют сложности, связанные с переводом визуального образа красивой женщины в вербальный, что может быть обусловлено, например глобализацией СМИ и рекламы без учета культурных особенностей, а также огромное количество искаженных терминов и описаний, которые активно используется в современной молодежной культуре. Мы также можем говорить, о том, что во многом представления мужчин и женщин схожи, и чаще всего они называют одинаковые характеристики, как физических параметров, так и личностных характеристик красивой женщины.

References:

1. Abul'hanova-Slavskaja K.A., Gordienko E.V. Predstavlenija lichnosti ob otnoshenii k nej znachimyh drugih [Person's idea of attitude of significant others to him/her]. Psychological Journal., Vol. 22., No. 5. 2001. pp. 38-47.
2. Andreeva G.M. Psihologija social'nogo poznanija [Psychology of social cognition]. - Moskva., Aspekt Press, 2005. - 303 P.
3. Batler D. Gendernoe bespokojstvo. Antologija gendernoj teorii [Gender concerns. Anthology of gender theory]: Coll. translation. Composition and comm. by E.I. Gapovoj, A.R. Usmanovoj. - Minsk., Propilei, 2000. pp. 297-346
4. Bovina I.B. Social'nye predstavlenija o zdorov'e i bolezni: struktura, dinamika, mehanizmy [Social ideas of health and diseases: the structure, dynamics, mechanisms]: Avtoref. diss. ... d-ra psihol. nauk [Abstract of the

thesis by Doctor of Psychology]. - Moskva., 2009. - 48 P.

5. Bodalev A.A. Vosprijatie i ponimanie cheloveka chelovekom [Perception and understanding of the person by the person]. - Moskva., Publisher - Moscow University, 1982. - 199 P.

6. Brajdotti R. Putem nomadizma [On the way of Nomadism]. Gendernye issledovanija [Gender studies]. 2000., No 4., pp. 18-44.

7. Vol'f N.V., Razumnikova O.M. Polovoj dimorfizm funkcional'noj organizacii mozga pri obrabotke rechevoj informacii. Funkcional'naja mezhpolusharnaja asimmetrija [Sexual dimorphism of the functional organization of the brain in the speech information processing. Functional interhemispheric asymmetry]., Chrestomathy. Ed.: N.N. Bogolepov, V.F. Fokin. - Moskva., Nauchnyj mir [Scientific World]., 2004. pp. 386-410.

8. Gross Je. Izmenjaja ochertanija tela - Vvedenie v gendernye issledovanija [Changing the body shape - Introduction to Gender Studies]. - Har'kov., 2001. p.620.

9. Dvorkin A. Genocid, ili Kitajskoe bintovanie nog - Zhenskaja solidarnost': posobie dlja zhenshhin i muzhchin [Genocide, or Chinese foot binding - Women's Solidarity: A Guide for Women and Men]: Collection of articles Ed. by Gapova E. and Sirosh N. - Moskva., Propilei, 2002., pp. 10-25.

10. Doncov A.I., Emel'janova T.P. Koncepcija social'nyh predstavlenij v sovremennoj francuzskoj psihologii [The concept of social ideas in modern French psychology]., Voprosy psihologii [Questions of psychology], No. 1., 1984., pp. 147-151

11. Emel'janova T.P. Social'noe predstavlenie – ponjatie i koncepcija: itogi poslednego desjatiletija [Social idea - the notion and the concept: results of the last decade]. Psychological Journal., 2001., Vol. 22., No 6., pp. 39-47.

12. Zinchenko V.P. Psihologija na kacheljah mezhdu dushoj i telom [Psychology on the swing between the soul and the body]., Chelovek [Human]., No. 2., pp. 46-57; No. 3. pp. 92-102.

13. Il'in E.P. Jemocii i chuvstva [Emotions and feelings]. - Sankt-Peterburg., 2001. - 752 P.

14. Kostikova A.A. Problema zhenskogo v novejshej filosofii [The problem of the female in modern philosophy]., [Electronic resource] – Access mode: <http://www.owl.ru/win/research/problemavfilos.htm>

15. Labunskaja V.A. Teoretiko-jempiricheskiy analiz fenomena attraktivnosti vneshnego oblika zhenshhiny-predprinimatelja i gotovnosti drugih predprinimatelej k sotrudnichestvu s nej [Theoretical and empirical analysis of the phenomenon of women entrepreneurs' appearance attraction and other entrepreneurs' willingness to cooperate with her]., Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. [Human. Community. Management]., 2008., No. 4., pp. 30-40.

16. Labunskaja V.A. Jekspressiya cheloveka: obshhenie i mezhluchnostnoe poznanie [Expression of person: communication and interpersonal cognition]. - Rostov-na-Donu., Feniks, 1999. - 608 P.

17. Labunskaja V.A., Gerasimova O.V. Gendernaja identichnost' i gendernaja interpretacija parfjumnyh zapahov [Gender identity and gender interpretation of the perfume smells]., Mir psihologii [World of Psychology]. No. 2., 2004., pp. 175-185.

18. Labunskaja V.A., Narovskaja Ja.B. Osobennosti samoocenki vneshnego oblika v zavisimosti ot pola i vozrasta [Features of self-appearance assessment depending on age and gender]., Severo-kavkazskij psihologicheskij vestnik [North Caucasian psychological Bulletin]., No. 2., 2004. pp. 150-153

19. Libina E.V. Psihologija sovremennoj zhenshhiny: I umnaja, i krasivaja, i schastlivaja... [Psychology of a modern woman: smart, beautiful and happy ...] - Moskv., PER SJe, 2001. 528 P.

20. Lipoveckij Zh. Tret'ja zhenshhina [The third woman]. - Sankt - Peterburg., Aletejja., 2003. - 512 P.

21. Morris D. Golaja zhenshhina [Naked woman] D. Morris. - Moskva., Jeksmo, 2009. - 384 P.

22. Oukli Je. Gender, metodologija i modusy chelovecheskogo znaniya: problematika feminizma i paradigmaticheskie diskussii v social'nyh naukah - Vvedenie v gendernye issledovaniya [Gender, methodology

and modes of human knowledge: issues of feminism and paradigmatic debate on the social sciences - Introduction to Gender Studies]. Part 2: Chrestomathy – Ed. S.V. Zhrebkina. - Sankt-Peterburg., Aletejja., 2001., pp. 336-363.

23. Pogonceva D.V. Social'no-psihologicheskie osobennosti predstavlenij zhenshhin o krasivoj zhenshhine [Socio-psychological features of women's ideas of a beautiful woman]., thesis for the degree of Candidate of Psychological sciences - South Federal University. - Rostov-na-Donu., 2010

24. Pogonceva D.V. Predstavlenija sovremennoj molodezhi o vneshnej i vnutrennej krasote zhenshhiny [Ideas of modern youth about the internal and external beauty of women]., Severo-kavkazskij psihologicheskij vestnik [North Caucasian psychological Bulletin]., 2008., Vol. 6., No. 4., pp. 14-17.

25. Pushkareva N.L. Zhenshhinyuchenye v postsovetском fol'klore [Women-scientists in post-Soviet folklore]., Vestnik RGNF [Bulletin of RHSF]., 2007., No. 1., pp. 30-40.

26. Ramsi N., Harkort D. Psihologija vneshnosti [Psychology of appearance]. - Sankt-Peterburg., 2009. - 256 P.

27. Stefanenko T.G., Jetnopsihologija [Ethno-psychology]. – Moskva., Aspekt Press., 2009. - 368 P.

28. Sujemi V., Fernhejm A. Psihologija krasoty i privlekatel'nosti [Psychology of beauty and attractiveness]. - Sankt-Peterburg., 2009. - 240 P.

29. Jarskaja-Smirnova E.R., Romanov P.V. Gender i jetnichnost' v uchebnikah po social'noj rabote i social'noj politike [Gender and ethnicity in textbooks on social work and social policy]. - Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]., 2006., No. 5., pp. 117-127.

Литература:

1. Абульханова-Славская К.А., Гордиенко Е.В. Представления личности об отношении к ней значимых других // Психологический журнал. Т. 22. № 5. 2001. С. 38-47.

2. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект

Пресс, 2005. 303 с.

3. Батлер Д. Гендерное беспокойство. Антология гендерной теории: Сб. переводов / Составление, коммент. Е.И. Гаповой, А.Р. Усмановой. – Минск., Пропилей, 2000. С. 297-346

4. Бовина И.Б. Социальные представления о здоровье и болезни: структура, динамика, механизмы : Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2009. 48с.

5. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во Московского университета, 1982. 199с.

6. Брайдотти Р. Путем номадизма // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 18-44

7. Вольф Н.В., Разумникова О.М. Половой диморфизм функциональной организации мозга при обработке речевой информации. Функциональная межполушарная асимметрия. Хрестоматия. Ред. Н.Н. Боголепов, В.Ф. Фокин. - М.: Научный мир, 2004. С. 386–410.

8. Гросс Э. Изменяя очертания тела // Введение в гендерные исследования. Ч.П. Харьков, 2001. с. 620.

9. Дворкин А. Геноцид, или Китайское бинтование ног // Женская солидарность: пособие для женщин и мужчин: Сборник статей под. ред. Гаповой Е. и Сирош Н. – М.: Пропилей, 2002. С. 10-25.

10. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии // Вопросы психологии, №1, 1984. С. 147-151.

11. Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия. // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39-47.

12. Зинченко В.П. Психология на качелях между душой и телом // Человек, № 2. С. 46-57; № 3. С. 92-102.

13. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб: Питер, 2001. 752 с.

14. Костикова А.А. Проблема женского в новейшей философии. [Электронный ресурс] <http://www.owl.ru/win/research/problemavfilos.htm>

15. Лабунская В.А. Теоретико-эмпирический анализ феномена аттрактивности внешнего облика женщины-предпринимателя и готовности других

предпринимателей к сотрудничеству с ней // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 4. С. 30-40.

16. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 608 с.

17. Лабунская В.А., Герасимова О.В. Гендерная идентичность и гендерная интерпретация парфюмерных запахов // Мир психологии. №2. 2004. С. 175-185.

18. Лабунская В.А., Наровская Я.Б. Особенности самооценки внешнего облика в зависимости от пола и возраста. // Северо-кавказский психологический вестник. № 2. 2004. С. 150-153

19. Либина Е.В. Психология современной женщины: И умная, и красивая, и счастливая... / М.: ПЕР СЭ, 2001. 528 с.

20. Липовецкий Ж. Третья жен-

щина. СПб.: Алетейя. 2003. 512 с.

21. Моррис Д. Голая женщина / Д. Моррис. М.: Эксмо, 2009. 384 с.

22. Оукли Э. Гендер, методология и модусы человеческого знания: проблематика феминизма и парадигматические дискуссии в социальных науках // Введение в гендерные исследования. Часть 2: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2001, С. 336-363.

23. Погонцева Д.В. Социально-психологические особенности представлений женщин о красивой женщине // диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2010

24. Погонцева Д.В. Представления современной молодежи о внешней и внутренней красоте женщины // Северо-Кавказский психологический вестник. 2008. Т. 6. № 4. С. 14-17.

25. Пушкарева Н. Л. Женщины-ученые в постсоветском фольклоре // Вестник РГНФ. 2007. №1 С.30-40

26. Рамси Н., Харкорт Д. Психология внешности. СПб.: Питер, 2009. 256 с.

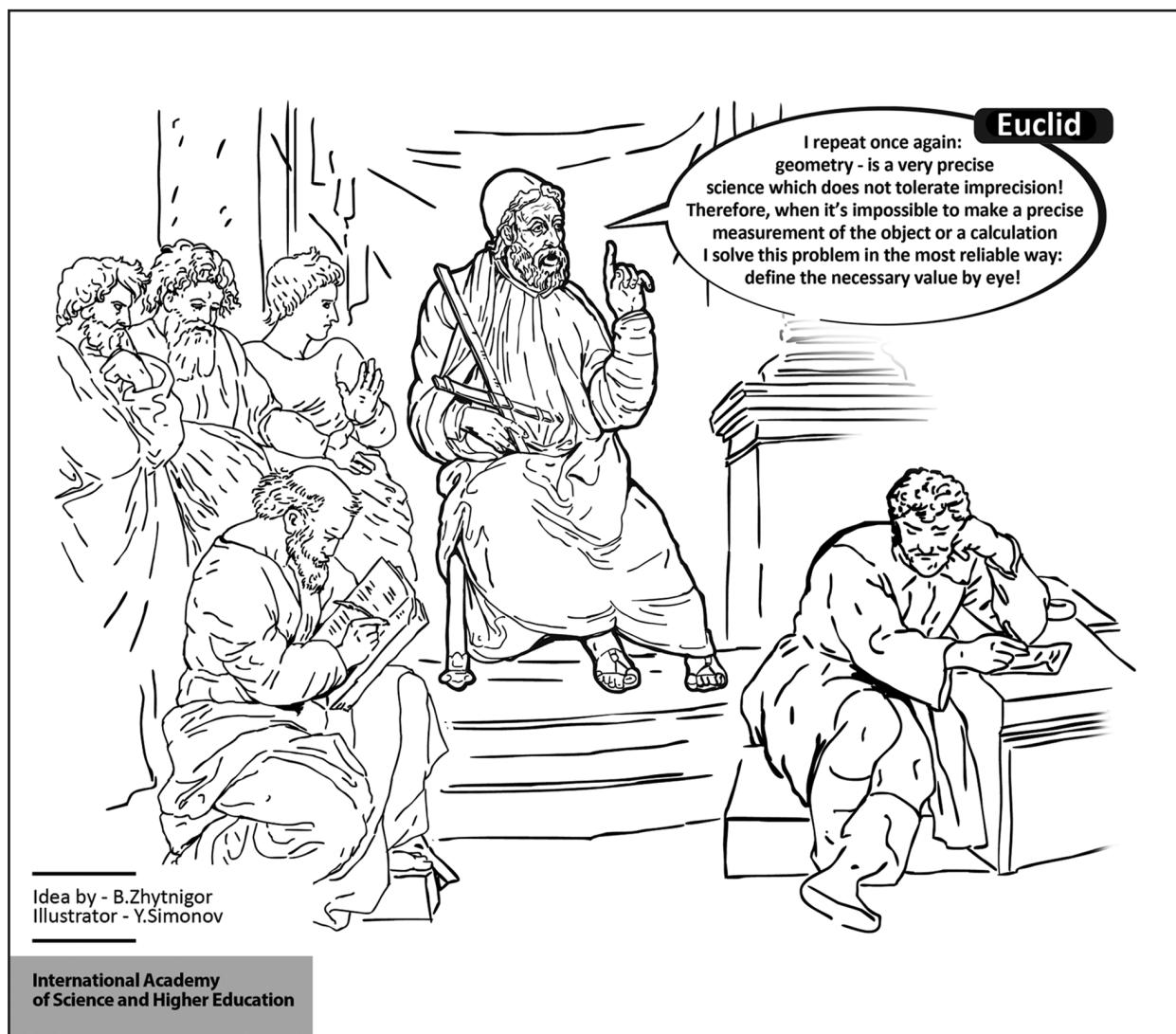
27. Стефаненко Т.Г., Этнопсихология. - М.: Аспект Пресс, 2009 - 368 с

28. Суэми В., Фернхейм А. Психология красоты и привлекательности. СПб.: Питер, 2009. 240 с.

29. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П. В. Гендер и этничность в учебниках по социальной работе и социальной политике // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 117-127.

Information about author:

Daria Pogontseva – Candidate of Psychology, Associate Professor, Southern Federal University; address: Russia, Rostov-on-Don city; e-mail: expert37@inbox.ru



SATISFACTION WITH LIFE OF REPRESENTATIVES OF DIFFERENT GENERATIONS

N. Sivrikova, Lecturer
Chelyabinsk State Pedagogical University,
Russia

Results of comparative research on satisfaction with life among different generations living in the South Ural are presented. The results received after examination of the 504 persons selection allowed to state that now a decrease in the share of the Soviet identity is observed, though it is still shown by consciousness of people. In the course of the research it was also established that representatives of transitional generation are less satisfied with the life than others, and representatives of Post-Soviet generation are the happiest. The revealed distinctions can be explained by age-cultural and historical factors: features of adolescence, specifics of overcoming standard crises of development, existence of the common destiny at representatives of one generation.

Keywords: generations, Soviet generation; transitional generation; Post-Soviet generation; satisfaction with life.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Сиврикова Н.В., преподаватель
Челябинский государственный педагогический университет,
Россия

Представлены результаты сравнительного исследования удовлетворенности жизнью разных поколений Южного Урала. Результаты, полученные на выборке 504 человека, позволили установить, что в настоящее время наблюдается снижение доли советской идентичности, хотя она еще имеет место в самосознании людей. В ходе исследования также было установлено, что менее других поколений удовлетворены своей жизнью представители переходного поколения, а наиболее довольны жизнью представители постсоветского поколения. Обнаруженные различия можно объяснить возрастными и культурно-историческими факторами: особенностями юношеского возраста, спецификой переживания нормативных кризисов развития и наличием общей судьбы у представителей одного поколения.

Ключевые слова: поколения, советское поколение; переходное поколение; постсоветское поколение; удовлетворенностью жизнью.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике



Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.1110>

Введение

Анализ межличностных механизмов передачи знаний и опыта в процессе развития общественных отношений приводит к необходимости изучения проблем социальной психологии поколений. Межпоколенные взаимодействия являются одним из существенных факторов развития и функционирования общества. Д.В. Фильникова подчеркивает, что роль взаимодействий между поколениями особенно усилилась в условиях системного кризиса, в связи с изменением демографической ситуации в России и с изменением иерархии ценностей молодого поколения [14].

В современном мире феномен «поколений» довольно многолик. Тип поколения становится маркером определенных исторических событий и социально-психологических качеств, на которые ориентируются руководители компаний, специалисты по рекламе, менеджеры продаж и др. Идентификация с типом поколения определяет вектор жизни людей, социальную реальность, формирующую ментальную доминанту поколений [12]. Разрыв поколений ведет к разрушениям семейных традиций, что крайне негативно сказывается на социальных отноше-

ниях в обществе [17].

Человеческое общество развивается и существует в условиях взаимодействия поколений. Именно в рамках такого взаимодействия происходит передача опыта и знаний. При этом дискуссионным остается вопрос о характере складывающихся межпоколенческих отношений. Одни авторы отмечают, что взаимодействия между поколениями носят резонансный или конфликтный характер [10], другие склонны рассматривать их как диалог [1, 6]. По мнению исследователей динамика современного общества способствует увеличению дистанции между поколениями [9] и опережает возможности преемственности поколений [15], что позволяет констатировать разрыв в диалоге поколений [8]. Следует отметить, что преемственность поколений обеспечивает сохранение и трансляцию накопленного человеком опыта в культуру, а конфликт — способствует появлению нового и изживанию устаревшего культурного наследия. Актуальность изучения межпоколенческих отношений порождает интерес к исследованиям социально-психологических особенностей поколений, т.к. наличие разрыва между поколениями будет подтверж-

даться существованием значимых различий между ними.

В данной статье будут представлены результаты изучения особенностей удовлетворенности жизнью у представителей поколений 70-90-х годов, проживающих на Южном Урале.

Методика исследования

В 2009-2013 гг. нами было проведено исследование особенностей удовлетворенности жизнью представителей разных поколений Южного Урала. Исследование было проведено в Челябинской области. Выборку составили 504 человека в возрасте от 17 (1995 года рождения) до 43 лет (1970 года рождения). Из них: 1970-1975 гг. рождения — 72 человека; 1980-1985 гг. рождения — 258 человек; 1990-1995 гг. рождения — 175 человек.

В ходе исследования с помощью методического приема, предложенного Н.Л. Ивановой [7], определялись особенности идентификации участников исследования с тем или иным поколением. Сбор эмпирических данных проводился с помощью опросника «Удовлетворенность жизнью» (УДЖ), который был разработан лабораторией социально-психологической адаптации личности при кафедре социальной психологии Южно-Уральского

государственного университета (под руководством Н.Н. Мельниковой).

Для математической обработки результатов исследования использовался U-критерий Манна-Уитни и корреляционный анализ по Спирмену. Расчеты проводились с помощью пакета статистических программ IBMSPSSStatistics 19.

Результаты исследования

Первоначально с помощью приема, предложенного Н.Л. Ивановой, определялись особенности идентификации участников исследования с тем или иным поколением. Результаты исследования показали, что в каждой возрастной группе есть люди, которые отождествляют себя с советским поколением и считают, что их ценности формировались в советскую эпоху. Однако, чем младше группа, тем меньше в ней доля таких людей. В целом обнаруживается тенденция к конгруэнтной идентификации: около половины (51%) респондентов, рожденных в 90-е годы, считают себя представителями постсоветского поколения;

среди респондентов, рожденных в 80-е годы, 45% идентифицируют себя с переходным поколением; в группе людей, родившихся в 70-е годы, 67% идентифицируют себя с представителями советского поколения.

Далее формировались сравниваемые группы с учетом года рождения и идентификационных характеристик людей. Группу представителей советского поколения составили люди 1970-1975 гг. рождения, идентифицирующие себя с советским поколением (48 человек). Группу представителей переходного поколения составили люди 1980-1985 гг. рождения, идентифицирующие себя с переходным поколением (116 человек). Группу представителей постсоветского поколения составили люди 1990-1995 гг. рождения, идентифицирующие себя с постсоветским поколением (89 человек).

На рисунке 1 представлены результаты анализа средних тенденций, отражающих особенности удовлетворенности жизнью в выделенных группах.

Оказалось, что представители

постсоветского поколения удовлетворены своей жизнью. Представители переходного и советского поколений проявляют тенденцию к неудовлетворенности жизнью. Они чувствуют усталость от жизни и тревогу.

В результате попарного сравнения исследуемых параметров у представителей разных поколений, нами было установлено, что представители постсоветского поколения более удовлетворены жизнью, чем представители переходного поколения ($p \leq 0,001$) или представители советского поколения ($p \leq 0,001$). При этом люди, рожденные в 90-е годы, отличаются от рожденных в 80-е и 70-е годы людей большей включенностью в жизнь ($p \leq 0,001$), меньшим уровнем разочарования в жизни ($p \leq 0,01$) и беспокойства о будущем ($p \leq 0,05$).

О том, что переходное поколение отличает неудовлетворенность жизнью, а постсоветское, наоборот, удовлетворенностью свидетельствуют и результаты корреляционного анализа (рис. 2).

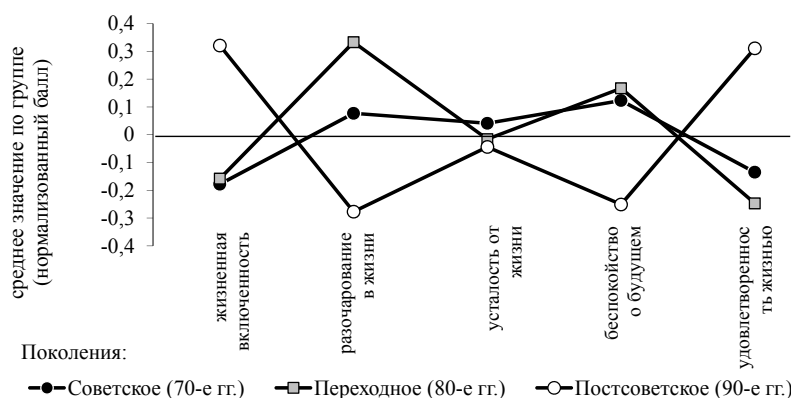


Рис. 1. Особенности удовлетворенности жизнью представителей разных поколений

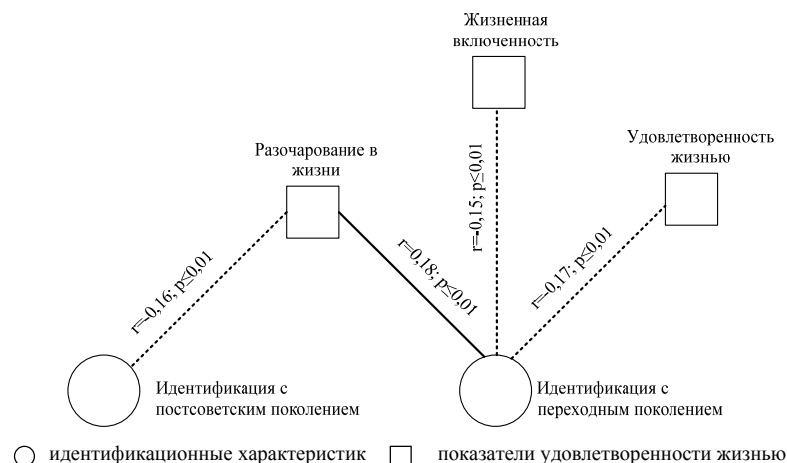


Рис. 2. Взаимосвязь идентификационных характеристик и удовлетворенности жизнью

Оказалось, что теснее всего с показателями удовлетворенности жизнью связана идентификация с переходным поколением. При этом взаимосвязь этой идентификационной характеристики со степенью разочарования в жизни имеет прямой характер ($p \leq 0,01$), а с уровнем жизненной включенности ($p \leq 0,01$) и общим показателем удовлетворенности жизнью – обратную ($p \leq 0,01$). Значимой оказалась также обратная взаимосвязь между идентификацией с постсоветским поколением и уровнем разочарования в жизни ($p \leq 0,01$).

В целом результаты исследования указывают на то, что менее других поколений удовлетворены своей жизнью представители переходного поколения, а наиболее довольны жизнью представители постсоветского поколения. Обнаруженные различия можно объяснить возрастными и культурно-историческими факторами: особенностями юношеского возраста, спецификой переживания нормативных кризисов развития и наличием общей судьбы у представителей одного поколения.

Исследователи удовлетворенности жизнью ранее неоднократно отмечали связь данного параметра с возрастом респондентов. При этом отмечается, что в целом с возрастом степень удовлетворенности жизнью снижается [3, 4, 5 и др.]. По мнению Т.В. Бесковой, такая закономерность детерминирована совокупностью различных факторов, связанных с особенностями юношеского возраста. Отмечается, что молодые респонденты более легко адаптируются к условиям социальной действительности, нежели представители старших поколений, которым более тяжело приспособиться к стремительно меняющимся социально-экономическим и политическим условиям современного российского общества. Кроме того, молодежь обладает большим жизненным оптимизмом, тогда как представители старших возрастных групп, уже испытавшие жизненные разочарования, с большим скептицизмом и пессимизмом оценивают свое настоящее положение [3]. Также исследователями отмечается, что в периоды нормативных кризисов развития в зрелом возрасте уровень

удовлетворенности жизнью резко падает [11, 16 и др.], что связано с ростом критичности по отношению к себе и трансформациями в структуре эго-идентичности в кризисах 30 и 40 лет [11].

Характеризуя культурно-исторические факторы удовлетворенности жизнью представителей разных поколений, следует отметить, что на долю постсоветского поколения пришлось годы стабилизации экономической и политической ситуации в России. Подобные явления сами по себе способствуют повышению степени удовлетворенности жизни граждан. Советское и переходное поколения пережили крах своих идеалов и ценностей, распад страны, в которой они жили. На долю представителей старших поколений выпали существенные трансформации нашего общества. В своем опыте они неоднократно сталкивались с потерей сбережений, потерей работы, необходимостью приспосабливаться и выживать. Это могло привести к снижению у них удовлетворенности жизнью. Схожесть переживаний старших находит свое отражение еще и в том, что в показателях удовлетворенности жизнью у представителей советского и постсоветского поколений значимых различий обнаружено не было.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что стабилизация общества и экономики в начале 21 века способствовали формированию поколения удовлетворенного своей жизнью. Подобное благополучие является с одной стороны признаком психологического комфорта и высокой степени адаптации личности, а с другой может привести к формированию пассивной позиции и безынициативности, называемых некоторыми авторами [2] в качестве отличительных черт нового поколения. Т.М. Тихонова указывает, что среди современной молодежи наблюдаются такие негативные тенденции как: снижение общего уровня образованности и воспитанности; подверженность низкопробной западной массовой культуре, что приводит к распространению цинизма и агрессивности; негативное отношение к общественной полезной деятельности [13].

Таким образом, результаты ис-

следования подтверждают гипотезу о существовании значимых различий социально-психологических характеристик поколений 70-90-х гг. В частности установлено, что наиболее удовлетворены своей жизнью представители поколения 90-х гг., а наименее – представители поколения 80-х гг. Различия в отношении к жизни могут лежать в основе непонимания между представителями разных поколений и затруднять процесс передачи опыта и знаний в современном обществе.

References:

1. Anisimova A. Dialog pokolenij: social'nye praktiki formirovanija mezhpokolennyh otnoshenij [Dialogue of generations: the social practice of forming intergenerational relations]. Social'naja pedagogika v Rossii. Nauchno-metodicheskij zhurnal [Social pedagogy in Russia - Scientific and methodical journal]. – 2010., No. 6., pp. 32-35.
2. Artjuhina L.V. Zhiznennye i professional'nye cennosti pokolenij – osnova korporativnoj kul'tury kompanii v uslovijah krizisov i konkurencii [Vital and professional values of generations - the basis of company corporate culture in terms of crises and competition]. Sovremennye gumanitarnye issledovaniya [Modern Humanities Research]. – 2011., No 5., pp. 179-183.
3. Beskova T.V. Udovletvorennost' zhizn'ju i otnoshenie k uspehu i neudacham drugogo: gendernyj i vozrastnoj aspekt [Satisfaction with life and attitude to successes and failures of others: a gender and age aspect]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]. – 2013., No. 1., pp. 92-96.
4. Galanin V.D. Poterjannoe pokolenie, ili obshhestvo bez ideologii. chelovek i grazhdanin Rossii XXI veka - Formirovanie gumanitarnoj sredy v vuze: innovacionnye obrazovatel'nye tehnologii. Kompetentnostnyj podhod [Lost generation, or a society without an ideology. A man and a citizen of Russia in XXI century - Formation of humanitarian protection in high school: innovative educational technology. Competence-related Approach]. – 2013.,

Vol. 3., pp. 17-21.

5. Gorsheneva T.A. Udovletvorennost' zhizn'ju zhenshhin posle razvoda na raznyh vozrastnyh etapah [Women's satisfaction with life after divorce at different age stages]., Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvenologija. Sociokinetika [Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Socio-kinetics]. – 2012., Vol. 18., No. 2., pp. 53-55.

6. Ermolaeva M.V. Oposredstvovanie v dialoge cherez pokolenie mezhdu det'mi i pozhilymi ljud'mi [Mediation in the dialogue in a generation between the children and the elderly]. Kul'turno-istoricheskaja psihologija [Cultural-Historical Psychology]. – 2012., No. 2., pp. 55-59.

7. Ivanova N.L., Rumjanceva T.V. Social'naja identichnost': teorija i praktika [Social identity: theory and practice]. - Moskva., SGU, 2009. 453 P.

8. Il'inskij I.M., Lukov V.A. Gosudarstvennaja molodezhnaja politika v Rossii: filosofija preemstvennosti i smeny pokolenij [State youth policy in Russia: the philosophy of continuity and change of generations]., Znanie. Ponimanie. Umenie. [Knowledge. Understanding. Ability]. – 2008., No. 4., pp. 5-14.

9. Kukushkina A.G. Vospitanie uvazhitel'nogo otnoshenija k pozhilym ljudjam u studentov vysshih uchebnyh zavedenij [Promotion of respect for the elderly at students of higher educational institutions]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo [Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Bulletin]. – 2013., Vol. 2., No. 74., pp. 36-40.

10. Mahovskaja O.I. Pokolenie kak predmet istoricheskoi psihologii [Generation as an object of historical psychology]. 125 let Moskovskomu psihologicheskomu obshchestvu. Jubilejnyj sbornik RPO [125 years of the Moscow Psychological Society. Anniversary Collection – RPO]: in 4 vol: Vol 1. - Moskva., MAKSS Press, 2011., pp.137–138.

11. Soldatova E.L. Struktura i dinamika normativnogo krizisa perehoda

k vzroslosti [Structure and dynamics of the regulatory crisis of transition to adulthood]. – Cheljabinsk., JuUrGU [South Ural State University]., 2007. – 267 P.

12. Somov V.A. Fenomen igry i vospitanie pokolenija pobeditelej v SSSR 1930-h godov [The phenomenon of games and education of the generation of winners in the USSR in 1930s]., Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii [Historical psychology and sociology of history]. – 2013., Vol. 6., No. 1 (11)., pp. 73-84.

13. Tihonova T.M. Specifika konfliktov, vznikajushchih v processe vzaimodejstvija u sovremennoj molodezhi [Specificity of conflicts arising in the process of interaction of today's youth]. Conflictology. – 2009., No. 3., pp. 203-208.

14. Fil'chikova D.V. Dinamika mezhpokolenoj mobil'nosti v sovremennom obshchestve - Intel'ktual'nyj potencial XXI veka: stupeni poznaniya [The dynamics of intergenerational mobility in the modern society - Intellectual potential of the XXI century: stages of cognition]. – 2012., No. 10-1., pp. 154-157.

15. Hvylya-Olinter N.A. Nacional'no-kul'turnaja identichnost' sovremennoj rossijskoj molodezhi v uslovijah globalizacii: metodologija sociologicheskogo analiza [National and cultural identity of modern Russian youth in the conditions of globalization: the methodology of sociological analysis]. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskikh nauk [Thesis for a Candidate's degree in Social Sciences]. – Moskva., Lomonosov Moscow State University, 2010. - 157 P.

16. Shljapnikova, I.A. Udovletvorennost' i osmyslennost' zhizni v period zrelosti - Sovremennye issledovanija social'nyh problem [Satisfaction and meaningfulness of life in adulthood - Recent studies of social problems]: Sbornik statej Obshherossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii [Collection of articles of the All-Russian scientific-practical conference]. under the general ed. RAE Ja.A. Maksimova. – Krasnojarsk., Nauchno-innovacionnyj centr [Research and Innovation Center]., 2009., pp. 260-262.

17. Meed M. Culture and

Commitment. A Study of the Generation Gap. - New York., Natural History Press, 1970. – 128 P.

Литература:

1. Анисимова А. Диалог поколений: социальные практики формирования межпоколенных отношений // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. – 2010. – № 6. – С. 32-35.

2. Артюхина Л.В. Жизненные и профессиональные ценности поколений – основа корпоративной культуры компании в условиях кризисов и конкуренции // Современные гуманитарные исследования. – 2011. – № 5. – С.179-183

3. Бескова Т.В. Удовлетворенность жизнью и отношение к успеху и неудачам другого: гендерный и возрастной аспект // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 1. – С. 92-96.

4. Галанин В.Д. Потерянное поколение, или общество без идеологии. Человек и гражданин России XXI века // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2013. – Т. 3. – С. 17-21.

5. Горшенева Т.А. Удовлетворенность жизнью женщин после развода на разных возрастных этапах // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. СоциокINETика. – 2012. – Т. 18. – № 2. – С. 53-55.

6. Ермолаева М.В. Оposredstvovanie в dialoge cherez pokolenie mezhdu det'mi i pozhilymi ljud'mi // Культурно-историческая психология. – 2012. – №2. – С. 55-59.

7. Иванова Н.Л., Румянцев Т.В. Социальная идентичность: теория и практика. М.: СГУ, 2009. 453 с.

8. Ильинский И.М., Луков В.А. Государственная молодежная политика в России: философия преемственности и смены поколений // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 4. – С. 5-14.

9. Кукушкина А.Г. Воспитание уважительного отношения к пожилым людям у студентов высших учебных заведений // Вестник Новгородского

государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2013. – Т. 2. – № 74. – С. 36-40.

10. Маховская О.И. Поколение как предмет исторической психологии // 125 лет Московскому психологическому обществу. Юбилейный сборник РПО: в 4-х томах: Том 1 - М.: МАКС Пресс, 2011. - С.137–138.

11. Солдатова Е.Л. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости. – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – 267 с.

12. Сомов В.А. Феномен игры и воспитание поколения победителей в СССР 1930-х годов // Историческая психология и социология истории. – 2013. – Т. 6. – № 1 (11). – С. 73-84.

13. Тихонова Т.М. Специфика

конфликтов, возникающих в процессе взаимодействия у современной молодежи // Конфликтология. – 2009. – № 3. – С. 203-208.

14. Фильчикова Д.В. Динамика межпоколенной мобильности в современном обществе // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2012. – № 10-1. – С. 154-157.

15. Хвыля-Олинтер Н.А. Национально-культурная идентичность современной российской молодежи в условиях глобализации: методология социологического анализа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – М.: МГУ им Ломоносова, 2010. – 157 с.

16. Шляпкикова, И.А. Удовлетворенность и осмысленность жизни

в период зрелости // Современные исследования социальных проблем: Сборник статей Общероссийской научно-практической конференции / под общ.ред. сов. РАЕ Я.А. Максимова - Красноярск: Научно-инновационный центр, 2009. - С. 260-262.

17. Meed M. Culture and Commitment, A Study of the Generation Gap. New York, Natural History Press, 1970. 128 p.

Information about author:

Nadejda Sivrikova - Lecturer, Chelyabinsk State Pedagogical University; address: Russia, Chelyabinsk city; e-mail: hope06@list.ru



INTERNATIONAL ACADEMY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION



International Academy of Science and Higher Education (IASHE, London, UK) is a scientific and educational organization that combines sectoral public activities with the implementation of commercial programs designed to promote the development of science and education as well as to create and implement innovations in various spheres of public life.

Activity of the Academy is concentrated on promoting of the scientific creativity and increasing the significance of the global science through consolidation of the international scientific society, implementation of massive innovational scientific-educational projects

While carrying out its core activities the Academy also implements effective programs in other areas of social life, directly related to the dynamics of development of civilized international scientific and educational processes in Europe and in global community.

Issues of the IASHE are distributed across Europe and America, widely presented in catalogues of biggest scientific and public libraries of the United Kingdom.

Scientific digests of the GISAP project are available for acquaintance and purchase via such world famous book-trading resources as amazon.com and bookdepository.co.uk.

www: <http://iashe.eu>

e-mail: office@iashe.eu

phone: +44 (20) 71939499

INDIVIDUAL APPROACH TO TRAINING
ON THE BASIS OF THE THEORY
OF GENERATIONS IN THE SPHERE
OF THE HIGHER EDUCATION

N. Sivrikova, Lecturer
Chelyabinsk State Pedagogical University,
Russia

Results of synthesis of researches of social and psychological features of generations are presented in the article. Recommendations about realization of the individual approach to training of representatives of different generations are made.

Keywords: Soviet generation, transitive generation, Post-Soviet generation, social and psychological features, features of training.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД
К ОБУЧЕНИЮ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ
ПОКОЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ

Сиврикова Н.В., преподаватель
Челябинский государственный педагогический университет,
Россия

В статье представлены результаты обобщения исследований социально-психологических особенностей поколений. Даны рекомендации по реализации индивидуального подхода к обучению представителей разных поколений.

Ключевые слова: советское поколение, переходное поколение, постсоветское поколение, социально-психологические особенности, особенности обучения.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике



Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.1111>

Введение

Сфера современного высшего образования находится в процессе постоянного изменения, реагируя на трансформацию и модификацию современного общества, адаптируясь к его меняющимся потребностям и одновременно активно влияя на состояние рынка труда.

Современные исследователи выделяют следующие основные тенденции развития образования [2, 4, 7]: превращение знаний в основной общественный капитал; развитие концепции непрерывного образования; постепенное смещение приоритетов от прямого обучения к индивидуальному контакту со студентами; диалогичность; активизация процесса использования информационных технологий; развитие дистанционного обучения; увеличение потребности в получении второго высшего образования.

Высшее, а в последнее время и второе высшее образование становятся не просто значимым, а необходимым условием профессиональной и личностной успешности. В результате меняется и структура студенчества как социальной общности. Традиционный подход к ней как молодежной группе приводит к потере целых сегментов потребителей. В связи с этим в зарубежной психологии все большую популярность приобретают социально-психологические технологии, основанные на учете особенностей поколений [11, 13, 14 и др.].

В нашей стране подобные технологии еще только разрабатываются [5, 8] и имеют существенный методологический недостаток: простой перенос типологии поколений, принятой в зарубежных исследованиях на структуру современного Российского общества. На наш взгляд подобная практика опасна при решении прикладных задач.

Анализ литературы показал, что в настоящее время все очевиднее обостряется противоречие между высоким уровнем востребованности социально-психологических технологий, основанных на теории поколений, и недостаточной степенью изученности данной проблемы в отечественной психологической науке.

Социально-психологические особенности поколений

В данной статье нет возможности подробно рассмотреть дискуссионные вопросы о критериях и параметрах дифференциации представителей разных поколений, большое внимание которым посвятили В. М. Воронков, М.И. Постникова, А. И. Афанасьева, Н. Хоув и У. Штраус, В.И. Пищик, Г. Шуман и Ж. Скотт и др. Отметим лишь, что мы рассматриваем поколение как относительно автономную социальную общность людей, объединенных общей культурно-исторической локализацией и соответственно общим опытом.

На наш взгляд наиболее активными в настоящее время в Российском

обществе являются три поколения, которые с точки зрения исторической эпохи взросления могут быть разделены на: советское, переходное и постсоветское поколение. С точки зрения возраста этим поколениям соответствуют следующие периоды развития: юность, молодость и зрелость. Выполняемые разными поколениями семейные роли позволяют разделить их на: детей, родителей и прародителей.

С позиций культурологического подхода, который предполагает описательный анализ ментальности поколения, и, опираясь на данные эмпирических исследований, мы попытались составить обобщенный портрет каждого из выделенных поколений.

Советское поколение представлено зрелыми людьми, воспитывавшимися в эпоху СССР. Это поколение, сформированное на прежних, объективно существовавших основаниях развития социума, не просто ностальгирует по былым временам, что-то принимая, а что-то отвергая в сегодняшней действительности. Оно реально все еще управляет обществом, организуя его, стабилизируя, передавая опыт, завоевания, выступая носителем структурированных традиций, отношений, нравственных норм, что и определяет его (данного поколения) большой положительный потенциал, значимую действенность [1].

Зрелые люди в возрасте 40-60 лет играют в современном обществе

первостепенную роль в разрушении старых норм и во внесении новых элементов в их реализацию [10]. Они быстро осваивают новые формы, мобильно создают новые ситуации. Будучи воспитанными на старых отношениях и традициях, они в то же время, пользуясь имеющимся новым багажом и новыми возможностями, разрывают эти традиции, расстаются с ними, осваивая новые формы и способы действия. И все же не они создают новое пространство, не в их руках находится построение будущих структур. Скорее они разрушают прежние, в том числе и в силу того, что они практически находятся у главных экономических и политических рычагов.

Эти люди, уже получили образование, правда не всегда высшее, и имеют профессию. Н.В. Раслова отмечает, что в советское время получение

второго высшего образования было редкостью [7]. Система государственного высшего образования, которое было полностью бесплатным, не поощряла желания поменять полученную специальность. Система повышения квалификации также в основном не предполагала переподготовку кадров по новым специальностям, а была нацелена преимущественно на квалификационное совершенствование в выбранной профессиональной сфере. Получалось, что, поступая в ВУЗ, человек выбирал себе специальность на всю жизнь. Однако изменение общества (в первую очередь его глобализация) и притязания на руководящие посты превращает получение высшего и второго высшего образования для представителей советского поколения в необходимость.

Поскольку глобальное расширение

областей влияния информационных технологий в нашей стране началось в 80-х годах, у представителей старшего (советского) поколения часто отмечается компьютерофобия [9], что может осложнить применение информационных технологий в работе с данной категорией людей. Важно понимать, что не все зрелые люди испытывают страх перед компьютерами, но многие испытывают трудности адаптации к новым технологиям. В результате у них формируется психологические факторы, препятствующие успешному обучению: компьютерная тревожность и неуверенность в себе.

Результаты, проведенного нами исследования (табл. 1), позволили выделить социально-психологические особенности представителей советского поколения на Южном Урале: ориентация на креативность, престиж и

Табл. 1

Социально-психологические особенности поколений на Южном Урале

Исследуемые показатели		Поколение		
		Советское	Переходное	Постсоветское
Социально-психологические особенности	Иерархия ценностей	активные социальные контакты креативность сохранение собственной индивидуальности собственный престиж развитие себя достижения духовное удовлетворение высокое материальное положение	сохранение собственной индивидуальности развитие себя достижения духовное удовлетворение активные социальные контакты высокое материальное положение креативность собственный престиж	высокое материальное положение креативность собственный престиж активные социальные контакты духовное удовлетворение развитие себя достижения сохранение собственной индивидуальности
	Смыслжизненные ориентации	ориентация на цели и результат	ориентация на цели и результат	ориентация на процесс
	Удовлетворенность жизнью	умеренная степень неудовлетворенности жизнью и деятельностью	неудовлетворенность жизнью и деятельностью	удовлетворенность жизнью и деятельностью
	Проблемы идентичности	ориентация в межличностных отношениях на социальные нормы и правила	диффузия собственной деятельности	недостаточная готовность брать на себя ответственность за события своей жизни
	Особенности стиля жизни			
	актуальные проблемы адаптации	иерархии, временности	идентичности, территориальности	иерархии, временности, идентичности
	фрустрированные потребности	в автономии, в безопасности	в признании, в успехе	в автономии, в безопасности, в признании
	особенности поведения	тревожность, дистанцированность, покорность, следование традициям	стремление быть в центре внимания, ответственность, добросовестность, самоконтроль	враждебность, агрессивность, честолюбие, требовательность к себе
	защитные стратегии	вытеснение, реактивное образование	интеллектуализация, отрицание	компенсация, проекция и замещение

активные социальные контакты; удовлетворенность собственным прошлым и целеустремленность; умеренная неудовлетворенность собственной деятельностью и жизнью; способность устанавливать и поддерживать близкие отношения, достигать подлинной интимности; склонность играть роли в значимых отношениях с другими.

Их стиль жизни отличается повышенным уровнем тревожности, стремлением к дистанцированию, покорностью. Они ориентированы на следование традициям.

Переходное поколение составляют молодые люди, взросление которых происходило во времена перестройки. В настоящее время эти люди достигли возраста 25-39 лет. Для данного поколения характерна наибольшая вариативность социально-психологических особенностей – от приверженности инерционным моментам, обеспечивающим сохранение имеющихся структур, до активного перехода к формированию принципиально новых. Наличие второго высшего образования этими людьми воспринимается не только естественно, но и, скорее, обыденно. В этой группе людей распространено мнение, что человек, обладающий двумя дипломами, имеет лучшие шансы и в устройстве на работу, и в дальнейшем карьерном росте; что специалист, получивший второе высшее образование, считается более ценным кадром, разносторонне развитой личностью, а также просто трудолюбивым и целеустремленным человеком. Высшие учебные заведения, реагируя на потребности общества и потребительский спрос, предлагают разнообразные варианты получения второго высшего образования и представители переходного поколения готовы воспользоваться предоставляемыми возможностями [7].

Эти люди приняли информационные технологии как элемент, облегчающий многие виды их деятельности. Они воспринимают компьютер как важную и неотъемлемую часть своей жизни, но все же помнят время, когда многие процессы осуществлялись без использования компьютеров.

Результаты, проведенного нами исследования (табл. 1), позволили выделить социально-психологические

особенности представителей переходного поколения: ориентация на собственную индивидуальность, саморазвитие и духовное удовлетворение; удовлетворенность собственным прошлым и целеустремленность; неудовлетворенность собственной деятельностью и жизнью; проблемы идентичности в сфере деятельности. Типичными для них являются стремление быть в центре внимания, ответственность, добросовестность, самоконтроль.

Постсоветское поколение представлено девушками и юношами, родившимися и выросшими после распада СССР. Для них характерны большая мобильность и изначальная готовность к новым отношениям. Люди в возрасте от 18 до 25 лет, которые ныне, находясь в поиске, используют опыт старших поколений, отбирают важное, но руководствуются при этом новыми принципами жизни, пытаются более активно осмыслить действительность. А. Литвинова считает, что данное поколение выполняет функцию оживляющего посредника в социальной жизни [3]. Следует отметить, что в силу социальной ситуации развития в юношеском возрасте – эти люди, как правило, получают свое первое профессиональное образование.

Рожденные в эпоху глобализации информационных технологий, представители постсоветского поколения не мыслят мира без компьютеров, а многие аспекты собственной жизни реализуют в социальных сетях. По данным зарубежных исследований доминирующей эмоцией при работе за компьютером у молодого поколения является радость [12].

Результаты, проведенного нами исследования позволили выделить социально-психологические особенности представителей постсоветского поколения: доминирующее положение в иерархии ценностей материального благополучия, креативности, престижа и активных социальных контактов; ориентация на настоящее; недостаточная готовность брать на себя ответственность за события своей жизни и отсутствие стабильной, устойчивой системы ценностей, которая могла бы стать основой для принятия решений;

удовлетворенность своей жизнью и деятельностью; агрессивность, скандальность и пессимистичность.

Таким образом, проведенный анализ показал, что представители разных поколений заинтересованы в получении высшего или второго высшего образования, однако ими движут разные потребности и их социально-психологические особенности имеют значимые различия. Это необходимо учитывать при разработке маркетинговых стратегий и при организации процесса обучения.

Рекомендации по организации обучения с учетом социально-психологических особенностей поколений

При организации обучения с представителями советского поколения следует особое внимание уделять процедурным моментам и оказывать психологическую поддержку. При использовании информационных технологий преподаватель должен давать подробные инструкции о том, как именно будет происходить обмен мнениями, что нужно сделать, чтобы слышать и видеть демонстрируемые материалы. Важным для данной категории людей будет похвала и стимулирование инициативы. Следует избегать сравнения с более молодыми учащимися, которые более компетентны в использовании компьютерных технологий. Преподавателю следует уделять особое внимание такту и поддержанию субординации. Важно уважать опыт и мнение учащихся, устанавливать отношение на равных, учитывать склонность старшего поколения к дистанцированию.

При организации самостоятельной работы студентов, представители советского поколения нуждаются в детальном руководстве, требуют к себе особого внимания на всех этапах: постановка задач, выбор средств решения, контроль выполнения задания и его оценка.

Представители переходного поколения наиболее мотивированы в обучении. Поскольку они отличаются ответственностью, при их обучении не возникает проблем в поддержании мотивации и в контроле работы студентов. Эти студенты готовы к самостоятельной работе и нуждаются только в четко поставленных задачах.

Люди переходного поколения работают и ценят свое время, поэтому они избирательны в отношении к разным предметам. Если они считают, что преподаваемая дисциплина не обладает практической значимостью и не будет полезна им в работе, они не прилагают усилий к ее изучению или просто игнорируют. Поэтому в работе с ними особенно важно указывать на способы применения предоставляемых знаний в практической деятельности.

Для постсоветского поколения особое значение приобретает форма организации занятий. Они ориентированы на гибкость и свободу перемещений, стремятся получать удовольствие и выгоду в процессе обучения. Однако пресыщенность информационной среды делает острой проблему информационной конкуренции. В результате у представителей данного поколения наблюдаются проблемы с удержанием интереса на протяжении всего периода обучения, что усугубляется низкой готовностью брать на себя ответственность. Они непостоянны и менее обязательны, чем представители старших поколений. Следовательно, обучение, ориентированное на них, должно: акцентировать цель обучения и его значение в жизни студентов; отличаться разнообразием форматов обучения (видео, мультимедиа презентации, дискуссии и пр.); отдавать приоритет нелинейным формам построения учебного процесса; использовать средства контроля знаний как способ показать достижения студентов.

Полезным для данной категории студентов будет включение в профессиональную практическую деятельность на ранних стадиях обучения, материальное стимулирование успехов в обучении. При организации самостоятельной работы студентов, представители постсоветского поколения нуждаются в контроле выполнения задания и его оценке.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что обучение в ВУЗе может быть более эффективным при учете социально-психологических особенностей разных поколений. При обучении людей советского поколения необходимо преодолевать такие

барьеры, как компьютерная тревожность, неуверенность в себе, обеспокоенность собственным статусом. При работе с представителями переходного поколения важно отмечать практическую значимость изучаемого материала. В работе с постсоветским поколением особые усилия необходимо направлять на удержание интереса аудитории и контроль.

References:

1. Artjuhina L.V. Zhiznennye i professional'nye cennosti pokolenij – osnova korporativnoj kul'tury kompanii v uslovijah krizisov i konkurencii [Vital and professional values of generations – the basis of company corporate culture in terms of crises and competition]. – Modern Humanities Research. – 2011. – No. 5., pp. 179-183
2. Demidenko Je.S. Perspektivy obrazovaniya v menjajushhemsja mire [Prospects of education in the changing world]. SOCIS. – 2005., No 2., pp. 44-49.
3. Litvinova A. Analiz molodezhnyh subkul'tur v obrazovatel'noj srede kolledzhej [Analysis of the youth subcultures in educational environment of colleges]. Biosocial characteristics of the modern human psychology. Materials digest of the LIX International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in psychological sciences. – London., IASHE, 2013., pp. 30-33.
4. Osipova E. Vtoroe vysshee. Sverh neobhodimogo [Second Higher Education. Beyond the necessary]., [Electronic resource] – Access mode: <http://www.vvi-klinika.ru/obraz-zhenschinyi/vtoroe-vyisshee.-sverh-neobhodimogo.html>.
5. Pavlova A.E. Osobennosti primeneniya distancionnogo obuchenija s uchjotom teorii pokolenij [Features of application of distance education taking into account the theory of generations]., Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Informatika i informatizacija obrazovaniya [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Computing and informatisation of education]. – 2012., No 23., pp. 64-68.
6. Pishhik V.I. Tipologija

mental'nosti sovetskih i postsovetskih pokolenij [The typology of mentality of the Soviet and post-Soviet generations]., Rossijskij psihologicheskij zhurnal [Russian psychological journal]. – 2010., Vol. 7., No 3., pp. 18-23.

7. Raslova N.V. Vtoroe vysshee obrazovanie: moda ili neobhodimost'? [Second higher education: fashion or necessity?]., Gumanitarij: aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya [Humanitarians: actual problems of science and education]. – 2010., No. 3., pp. 83-86.

8. Samoukina N.V. Teorija pokolenij i upravlenie personalom v uslovijah krizisa. Motivacija i oplata truda [The theory of generations and HR management in terms of crises. Motivation and remuneration]., No. 2., 2009., pp. 94-101.

9. Serezhkina A.E. Otnoshenie k komp'yuteru i informacionnym tehnologijam kak psihologo-pedagogicheskaja problema [Attitude to the computer and information technologies as a psychological and pedagogical problem]. Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta [Kazan Technological University Bulletin]. – 2012., Vol. 15., No. 23., pp. 231-236.

10. Fel'dshtejn D.I. Chelovek v sovremennom mire: tendencii i potencial'nye vozmozhnosti razvitiya [Person in the modern world: trends and development potential]. Chelovek i obrazovanie [Person and education]. – 2009., No 3 (20)., pp.10-16.

11. Burmeister M. From Boomers to Bloggers: success strategies across generations. Fairfax, VA: Synergy Press, 2008. – 184 P.

12. Kay R. Exploring the relationship between emotions and the acquisition of computer knowledge – Computers & Education. – 2008., No. 50(4), pp. 1269-83.

13. Twenge J.M., Campbell S.M., "Generational differences in psychological traits and their impact on the workplace", Journal of Managerial Psychology, Vol. 23 Iss: 8, 2008.

14. Zemke R., Raines C., Filipczak B. Generations at Work: Managing the Clash of Boomers, Gen Xers, and Gen Yers in the Workplace. – New York, AMACOM. 2012. – 304 P.

Литература:

1. Артюхина Л.В. Жизненные и профессиональные ценности поколений – основа корпоративной культуры компании в условиях кризисов и конкуренции // Современные гуманитарные исследования. - 2011. - № 5. – С.179-183.

2. Демиденко Э.С. Перспективы образования в меняющемся мире // СОЦИС. - 2005. - № 2. - С. 44-49.

3. Литвинова А. Анализ молодежных субкультур в образовательной среде колледжей // Biosocial characteristics of the modern human psychology. Materials digest of the LIX International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in psychological sciences. London: IASHE, 2013. С 30-33.

4. Осипова Е. Второе высшее. Сверх необходимого. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vvi-klinika.ru/obraz-zhenschiny/vtoroe-vyisshee-sverh-neobhodimogo.html>.

5. Павлова А. Е. Особенности применения дистанционного обу-

чения с учётом теории поколений // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. - 2012. - №23. - С. 64-68.

6. Пищик В.И. Типология ментальности советских и постсоветских поколений // Российский психологический журнал. – 2010. – Т. 7. – № 3. – С. 18-23.

7. Раслова Н.В. Второе высшее образование: мода или необходимость? // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. – 2010. – № 3. – С. 83-86.

8. Самоукина Н.В. Теория поколений и управление персоналом в условиях кризиса // Мотивация и оплата труда. - № 2. - 2009. - С.94-101.

9. Сережкина А.Е. Отношение к компьютеру и информационным технологиям как психолого-педагогическая проблема // Вестник Казанского технологического университета. -2012. - Т. 15. - № 23. - С. 231-236.

10. Фельдштейн Д.И. Человек в современном мире: тенденции и потенциальные возможности развития.

// Человек и образование. – 2009. – № 3 (20). – С.10-16.

11. Burmeister M. From Boomers to Bloggers: success strategies across generations. Fairfax, VA: Synergy Press, 2008. 184 p.

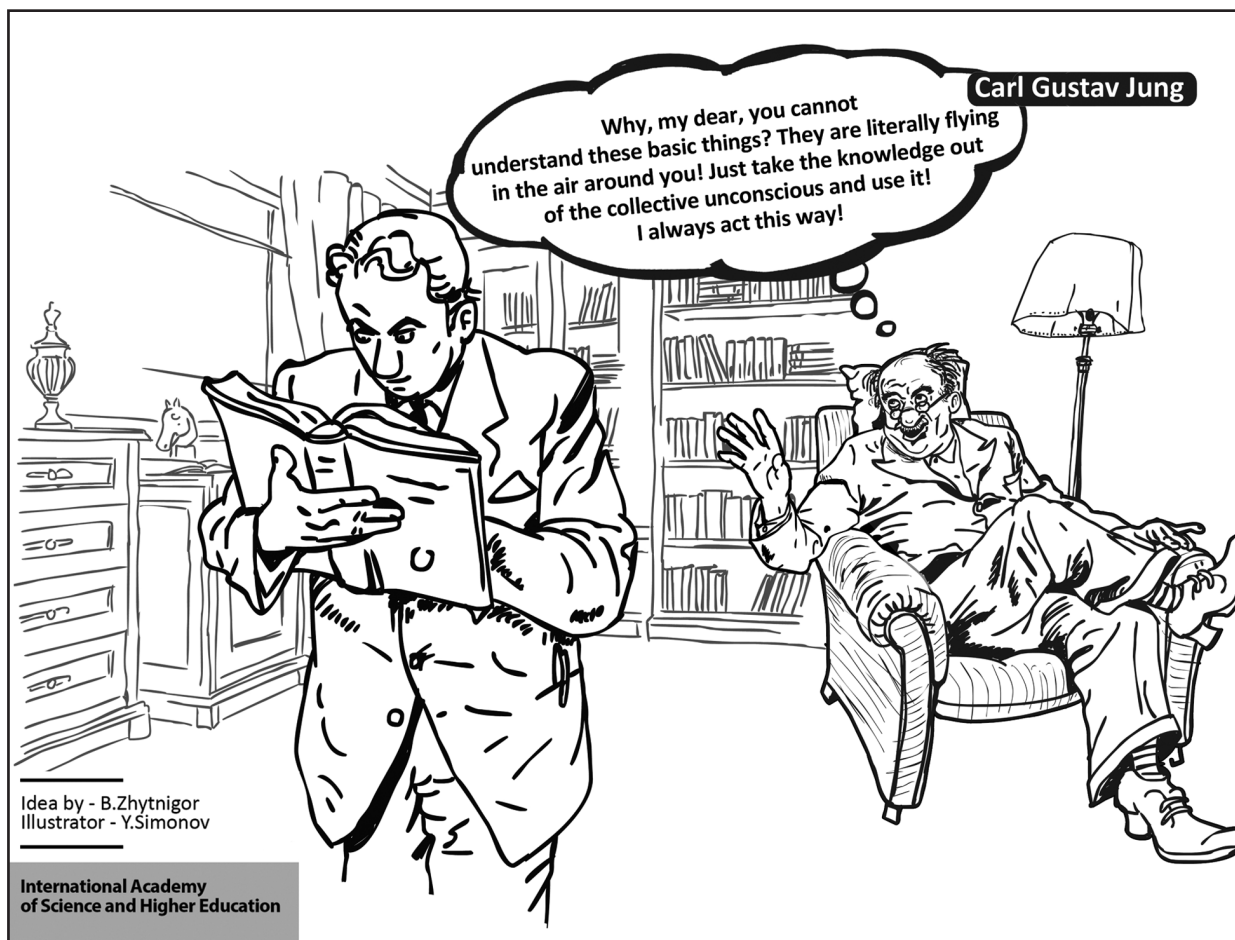
12. Kay R. Exploring the relationship between emotions and the acquisition of computer knowledge // Computers & Education. – 2008. – 50(4), P. 1269–83.

13. Twenge J.M., Campbell S.M., “Generational differences in psychological traits and their impact on the workplace”, Journal of Managerial Psychology, Vol. 23 Iss: 8, 2008.

14. Zemke R., Raines C., Filipczak B. Generations at Work: Managing the Clash of Boomers, Gen Xers, and Gen Yers in the Workplace. New York, AMACOM. 2012. 304 p.

Information about author:

Nadejda Sivrikova - Lecturer, Chelyabinsk State Pedagogical University; address: Russia, Chelyabinsk city; e-mail: hope06@list.ru



INFLUENCE OF THE ECONOMIC SITUATION OF VILLAGERS OF UKRAINE ON THEIR MENTAL STATE

O. Krupenko, Lecturer
Tauride State Agrotechnological University,
Ukraine

The author analyzes the results of the social survey of rural residents of Ukraine, on the basis of which the author tried to make a forecast of further mental state and behavior of the villagers.

Keywords: social security, public opinion, economic behavior, economic consciousness.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ НА ЕГО ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

Крупенко О., преподаватель
Таврический государственный агротехнологический
университет, Украина

В материале проанализированы результаты социального опроса сельских жителей Украины, на основе которых автор попытался сделать прогноз дальнейшего психического состояния и поведения жителей села.

Ключевые слова. Социальная защита, общественное мнение, экономическое поведение, экономическое сознание.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике



Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.1112>

Социальная защита сельского населения Украины является весьма актуальным вопросом. Для того чтобы точнее обозначить направление и последующие шаги при разработке социально-психологического сопровождения мы в период с 2011 по 2012 учебный год провели опрос целью которого было изучение влияния экономики на самовосприятие крестьян, а также изучение их экономического положения и его последствий для их психики.

Известный американский экономический психолог Г. Катона говорит о том, что в макроэкономике и мировом разделении труда социально-экономический закон конкуренции приводит к тому, что между всеми странами на любом уровне власти и исполнительных структур происходит своеобразное экономико-психологическое соревнование в котором учитывается уровень жизни населения (количество товаров и услуг, доступных гражданам данного государства).

Так же Г. Катона обращает внимание на то, что никто не в состоянии предсказать, какое направление выберет экономика: станет ли развиваться или падать в определенный период времени. При этом людям каждый раз нужно определяться с тем, тратить или хранить свои сбережения. В таких условиях общественное мнение играет самую значительную роль в экономике. Если же большое количество людей одновременно меняет свое привычное поведение (решая тратить

или нет средства), то их решение обязательно повлияет на макроэкономический феномен объема доступных для инвестиций и денег, а психологический фактор способен изменить течение данного бизнес-цикла. [1]

Г.В. Щекин акцентирует внимание, что возникновение транснациональных кампаний и их объединение во всем мире при разделении труда и мирового капитала не только меняет национальную экономическую психологию в каждой стране, но и влияет на взаимодействие законов распределения и перемены труда, состояние, развитие и функционирование социальных систем.

Если внимательно рассмотреть социальные системы то можно условно разделить их на три вида: социально-политические, социально-культурные и социально-экономические. Генезис любой социальной системы приводит к тому, что внутреннее присущее им управление превращается в самостоятельную область деятельности. [2] Вентцель Е.С. говорит об этом, другими словами, подразумевая, что любая экономическая система представляет собой способ, благодаря которому общество производит и распределяет имеющиеся в его распоряжении ресурсы, чтобы удовлетворить потребности населения. [3] Спасенников В.В. пишет, о том, что основой всех известных современному обществу экономических систем, (независимо от конкретных особенностей их функционирования), являются лежащие

одни и те же важные вопросы, такие как: «Как использовать ограниченные ресурсы для удовлетворения потребностей общества?», «Кто будет проводить товары и услуги?», «Каким образом они будут распределены между всеми членами общества?». Варианты ответов на эти вопросы определяют три основные современные экономические системы: капитализм, коммунизм и социализм. Лучшим способом выявить между ними различия является сравнение степени свободы, которая предоставляется индивидам в овладении факторами производства и в их реализации собственных экономических интересов. [4]

В работах американских экономистов были показаны современные представления о роли психологических факторов на макроэкономическом уровне. При этом основной психологический закон Дж. Кейнса говорит о том, что «По мере роста доходов склонность в обществе к потреблению становится выше, и падает по мере их снижения, что объясняется действием таких социально-психологических факторов как: инертность привычек или традиции». Так же этим объясняется разница в соотношении долей бюджета, которые направлены на потребление и сбережение на разных стадиях жизнедеятельности. Проблемами экономической психологии одним из первых стал заниматься французский ученый Габриэль Тард. По его мнению, экономическая психология имеет дело с психологичес-

кими основами экономики или, иначе говоря, с психологическими положениями, на которых основывается сама экономическая теория. Кроме того он один из первых обратил внимание на роль этнокультурных особенностей, традиций, макросоциального окружения как социально-психологических факторов при регулировании экономического поведения. Немецкий психолог Г.Мюнстерберг стал известен в России как основатель психотехники, занимающейся эмпирическими и экспериментальными исследованиями психологии труда и рекламы.

С позиций социальной и экономической психологии можно сделать следующий вывод [5, 6]:

- Очень важно, чтобы мотивы деятельности давали возможность получать удовольствие от выполняемой работы;

- Обязательно создать возможность для реализации исполнительных мотивов;

- Не менее важно, чтобы удовлетворялись потребности в деловых и неформальных контактах.

А.С. Дейнека, учитывая многообразие экономико-психологических подходов и плоскостей их применения, обращает внимание на феномен экономического сознания, который присущ субъекту хозяйственной деятельности и является традиционным для отечественной психологии. В то же время под экономическим сознанием он понимает системную составляющую сознания, как высший уровень психического отображения экономических отношений общественно развитым человеком. Далее А.С. Дейнека выделяет такие компоненты структуры экономического сознания [7]:

- Экономические эмоции и чувства, окрашивающие процесс приобретения, коллекционирования, заготовок и прочее. К ним относятся практические эмоции, связанные с удовлетворением от результатов и процесса труда; гностические, связанные с познанием; глорические, говорящие о желании признания и уважения; пунические, побуждающие преодолевать опасность, испытать азарт и риск; альтруистическое или эгоистическое, возникающие при обмене и распределении благ.

- Перцептивная сфера экономического поведения. Речь идет об исследовании восприятия денег, отношения к вещам, товарам, услугам, неосознаваемой перцепции в рамках маркетинговой ветви экономической психологии – психологии потребителя, рекламы и методах продаж.

- Экономические представления и экономическое мышление – это представление о том, как именно функционирует экономика и создается субъективный экономический образ: способность субъекта (социального человека или социальной группы) отражать, осмысливать экономические явления, познавать их сущность, усваивать и соотносить экономические понятия, категории, теории с требованиями экономических законов с реальностью и на основе всего этого реализовывать свою экономическую деятельность.

Волевыми компонентами экономического сознания в свою очередь являются экономические нормы, интересы, поступки, деятельность и прочее [6]

Е.А. Климов пишет о том, что с экономико-психологической точки зрения можно утверждать, что собственность и личность очень часто неотделимы друг от друга. Поэтому есть смысл вникнуть в этимологию данных терминов. Так, слово «собственность» происходит от старославянского «сѣбство» в значении «особенность, лицо».

По содержанию это слово очень близко к термину «лицо», который в древности характеризовал, прежде всего, авторитетного, уважаемого человека: «важное лицо», «известная личность». В данном слове «звучат» индивидуалистические, личностные оттенки этого понятия, поскольку оно создано на базе общеславянской предложно-падежной формы «о себе» – «для себя», а в древнерусском языке эта же форма означала «отдельно, сам». Таким образом, можно вполне уверенно говорить, что слово «собственность» своими корнями уходит к понятию «личность» как отдельного человека, существующего «в себе и для себя». [8]

Карнышев А.Д. подходит к этому вопросу с точки зрения homo economicus. И отмечает, что собствен-

ность является своеобразным продолжением личности во внешнем мире, и этому есть много разнообразных подтверждений. Некоторые из них можно свести к очевидному преимуществу: наличие собственности на нейтральной или даже чужой территории (то есть расширение «зон собственности») позволяет личности чувствовать себя в таких зонах комфортно, уверенно и независимо от других. Но в то же время, любые посягательства на собственность затрагивают саму личность, и если данные действия лишают «частицы меня», это всегда воспринимается как ограничение прав и свобод личности. [9]

В возрастной и экономической психологии речь идет о собственности, влекущей к индивидуалистическим стремлениям человека. В этом убеждает простой пример: любой ребенок начинает усваивать понятие «мое» с первыми проблесками формирования самосознания. В тот период, когда «новоявленная» личность начинает уходить от диктата взрослых и внешних обстоятельств, все чаще реагируя на их влияние по принципу «я сам», она начинает не только защищать собственное имущество, но стремится «захватить» вещи и предметы, принадлежащие другим. [10]

С точки зрения «собственности» и ее наличия большинство сельских жителей Украины можно отнести к экономически защищенной группе (табл. 1).

Но 51,23% крестьян оценивают материальный уровень жизни своей семьи следующим образом: «Мне хватает денег на питание, но любые покупки вызывают трудности». Ответ можно расценивать как показатель неуверенности и материального дискомфорта.

Это подтверждают ответы на вопрос о том чего в жизни нашим респондентам не хватает: сбережений – 49,07%, порядка в обществе – 63,89%, собственной уверенности в своем будущем – 40,74%, личной безопасности жизни – 32,72%, правовой защиты – 46,60%, медицинской помощи – 39,51%, возможности трудоустройства – 47,53%, неукоснительного соблюдения всеми социальными законами – 45,06%, возможности

Табл. 1

Наличие материальных благ у крестьян

Объекты и предметы страхования	Есть, %
1. Жилой дом	91,98%
2. Хозяйственные помещения	79,01%
3. Необходимый сельхозинвентарь	57,41%
4. Большую технику (трактор, автомобиль)	25,62%
5. Малую технику (мотоблок)	12,04%
Объекты и предметы страхования	Есть, %
6. Легковой автомобиль, мотоцикл	49,07%
7. Компьютер	52,47%
8. Животных (корова, лошадь, свинья и др.)	62,04%
9. Приватизированный приусадебный участок	59,57%
10. Приватизированный земельный пай	41,05%
11. Личные вещи (одежда, бытовая техника и т.п.)	90,43%
12. Другое (напишите, что именно)	0,93%

полноценного проведения отпуска – 51,54%, дополнительного заработка – 50,31%, экологической безопасности своей жизни – 44,75%.

Значительная часть крестьян чувствуют себя незащищенными со стороны Конституции, законов и кодексов (30,86%), со стороны государства (40,12%), со стороны участковой милиции (31,48%), а также недостаточно защищенными со стороны местных властей (35,19%), на месте работы (31,79%), со стороны сельской общины (31,17%), как покупатель и потребитель (39,20%), как гражданин (34,88%), в качестве пассажира (32,41%). Все это способствует повышению недоверия к другим людям, органов власти и государства в целом.

Находясь под постоянным давлением порядка в обществе и постоянной зависимости от желаемого и имеющегося капитала, а также уверенности в своем будущем и зависимости от полноценного проведения отпуска (отдыха) можно предположить, что сельские жители настроены весьма агрессивно, в них происходят постоянные внутренние конфликты (например: «хочу» и «могу»), растет тревога и возможны резкие перепады настроения. Эти состояния только усиливаются когда зарплату не выплачивают в полном объеме (33,33%). О степени напряженности в селе свидетельствует ответ на вопрос «Как Вы считаете, стоит вооружать украинских граждан для их самозащиты» большинство

респондентов отметили на том, что не стоит давать в руки ничего кроме паралитических комплексов (баллончиков с газом и т.п.).

Чувствуется зависимость населения от места работы – 37,96% не готовы сменить место работы потому, что в условиях кризиса трудно ее найти. Есть крестьяне готовые работать даже при проигрышных для себя условиях. Таким образом, наблюдается тенденция к недооценке себя и свое профессиональной деятельности.

Желание сохранить приобретенное выражается в страхе неурожая – 65,12%, безработицы – 58,64%, снижение закупочных цен и повышения на жизненные товары – 29,01%, преступности – 28,70% и старения и вымирания сел – 24,07%.

Всего на самовосприятие крестьян влияют уверенность в своих силах и материальном состоянии семьи. При этом оно базируется на возможности самореализации на профессиональном и социальном уровне, степени защищенности в своем будущем. Существенно влияют на жителей села постоянные изменения экономического сектора страны – это повышает уровень тревожности, агрессивности и углубление психоэмоциональных состояний. На данный период мы можем заметить на том, что если в будущем экономика страны не стабилизируется – это может привести к социальному психологическому взрыву среди сельских жителей.

References:

1. Katona G. Toward a macropsychology. American Psychologist. - 1979., No. 34., pp. 118 -126.
2. Shhjukin G.V. Teorija social'nogo upravlenija [The social management theory]: Monograph. – Kiev., MAUP [Interregional Academy of Personnel Management]., 1996.
3. Ventcel' E.S. Issledovanie operacij: zadachi, principy, metodologija [Research on operations: objectives, principles, methodology]. - Moskva., Nauka [Science]., 1980.
4. Spasennikov V.V. Uchet chelovecheskogo faktora pri formirovanii rynka cennyh bumag [Taking into account the human factor in the formation of securities market] Problems of Psychology and Ergonomics - Tver'-Jaroslavl'. , 1999., No 3/1., pp. 17-25.
5. Novikov V.V. Social'naja psihologija: Fenomen i nauka (subektivnye ocherki o prirode i osobennostjah social'noj psihologii, o zhrecah i iskusnikah) [Social psychology: the Phenomenon and the Science (subjective essays about the nature and characteristics of the social psychology: about priests and adepts)]. - Jaroslavl'-Moskva., Publisher MAPN [International Academy of Psychological Sciences]., 1998.
6. Spasennikov V.V. Jekonomicheskaja psihologija kak nauchnaja disciplina, specializacija studentov i oblast'

prakticheskoy dejatel'nosti [Economic psychology as a scientific discipline, students' specialization and area of practical work]. Regional'naja jekonomika, nauka i innovacii [Regional economy, science and innovation]. – Kaluga., «Jejdos», 1997. pp. 370-374.

7. Dejneka O.S. Jekonomicheskaja psihologija [Economic psychology]. – Sankt-Peterburg., Publisher SPbGU [Saint Petersburg State University], 1999.

8. Klimov E.A. Jekonomicheskaja sreda i psihika [The economic environment and the psyche]. Trudy 1-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii RPO po jekonomicheskoy psihologii [Reports of the 1st All-Russian scientific-practical conference on the economic psychology of RPO]. – Moskva-Kaluga., Institute of Psychology RAS; KF MGJel [Kaluga Branch of Moscow Humanitarian-Economic Institute], 2000., Vol. 1., pp. 6-18.

9. Karnyshev A.D. Sobstvennost' kak ishodnoe, pervoe i glavnoe ponjatie jekonomicheskoy psihologii [Property as the basic, first and the most important concept of economic psychology]. Trudy 2-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii RPO po jekonomicheskoy psihologii [Reports of the 2nd All-Russian scientific-practical conference on the economic psychology of RPO]. – Moskva-Kaluga., Institute of Psychology RAS; KF MGJel [Kaluga Branch of Moscow Humanitarian-Economic Institute], 2002., Vol. 9., Issue. 7., pp. 20-33.

10. Loveckij G.I. Jekonomicheskij chelovek i psihologicheskaja revoljucija: problema i puti reshenija [The economic human and psychological revolution: problems and solutions]. Psihologija i jekonomika. Materialy 2-j Vserossijskoj konferencii po jekonomicheskoy psihologii [Psychology and Economics. Reports of the 2nd All-Russian scientific-practical conference on the Economic Psychology]. Vol. 9., Issue. 8., – Moskva-Kaluga., Institute of Psychology RAS; KF MGJel [Kaluga Branch of Moscow Humanitarian-Economic Institute], 2002., pp. 32-44.

Литература:

1. Katona G. Toward a macropsychology., American Psychologist. 1979. № 34. P. 118 -126.
2. Щёкин Г.В. Теория социального управления: Монография. – Киев., МАУП, 1996.
3. Вентцель Е.С. Исследование операций: задачи, принципы, методология. – М., Наука, 1980.
4. Спасенников В.В. Учет человеческого фактора при формировании рынка ценных бумаг, Проблемы психологии и эргономики, Тверь-Ярославль, 1999. №3/1. С. 17-25.
5. Новиков В.В. Социальная психология: Феномен и наука (субъективные очерки о природе и особенностях социальной психологии, о жрецах и искусниках). – Ярославль-Москва., Изд-во МАПН, 1998.
6. Спасенников В.В. Экономическая психология как научная дисциплина, специализация студентов и область практической деятельности., Региональная экономика, наука и инновации. – Калуга., «Эйдос», 1997. С. 370-374.

7. Дейнека О.С. Экономическая психология. – СПб., Изд-во СПбГУ, 1999.

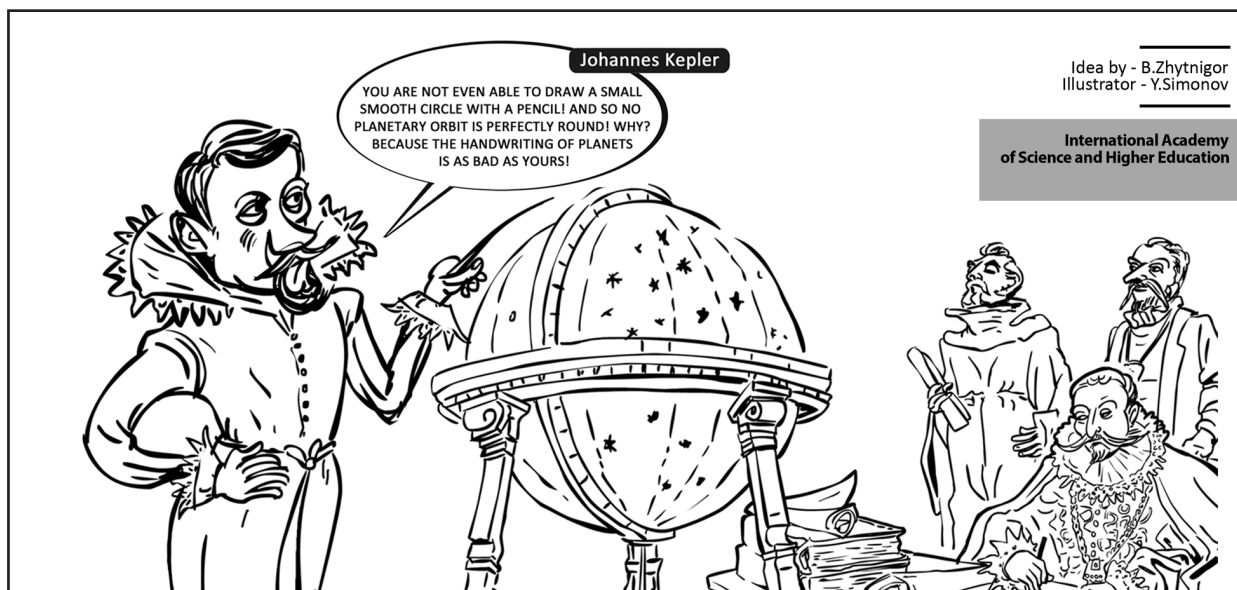
8. Климов Е.А. Экономическая среда и психика., Труды 1-й Всероссийской научно-практической конференции РПО по экономической психологии. – Москва-Калуга., Институт психологии РАН; КФ МГЭИ, 2000. Т. 1. С. 6-18.

9. Карнышев А.Д. Собственность как исходное, первое и главное понятие экономической психологии., Труды 2-й Всероссийской научно-практической конференции РПО по экономической психологии. Москва – Калуга., Институт психологии РАН; КФ МГЭИ, 2002. Т. 9. Вып.7. С. 20-33.

10. Ловецкий Г.И. Экономический человек и психологическая революция: проблема и пути решения., Психология и экономика. Материалы 2-й Всероссийской конференции по экономической психологии. Т. 9. Вып. 8. Москва-Калуга: Институт психологии РАН; КФ МГЭИ, 2002. С. 32-44.

Information about author:

Olga Krupenko – Lecturer, Tauride State Agrotechnological University; address: Ukraine, Melitopol' city; e-mail: spitsa1@mail.ru





INTERNATIONAL UNIVERSITY

OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE
ANALYTICS OF THE IASHE

- DOCTORAL DYNAMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- ACADEMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- INTERNATIONAL ATTESTATION-BASED LEGALIZATION OF QUALIFICATIONS
- SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAM OF THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL QUALIFICATION IMPROVEMENT
- DOCTORAL DISSERTATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL ACADEMIC PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL DOCTORAL PROGRAMS
- AUTHORITATIVE PROGRAMS



<http://university.iashe.eu>

e-mail: university@iashe.eu

Phone: + 44 (20) 71939499

GISAP Championships and Conferences 2016

Branch of science	Dates	Stage	Event name
JANUARY			
Educational sciences and Psychology	19.01-26.01	I	Modern peculiarities of the identity formation and social adaptation in conditions of the liberal values crisis
FEBRUARY			
Philology	09.02-15.02	I	Theoretical and practical problems of language tools transformation in the context of the accelerated development of public relations
Culturology, Physical culture and Sports, Art History, History and Philosophy	09.02-15.02	I	Cultural and historical development of the society as the dynamic expression of the self-learning human existence
MARCH			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences	10.03-15.03	I	Problems of fighting human and animal diseases in terms of the biosphere conditions deterioration
Economics, Jurisprudence and Management, Sociology, Political and Military Sciences	10.03-15.03	I	Social relations and conflicts in conditions of intensification of economic processes and dominance of liberal ideology
APRIL			
Physics, Mathematics and Chemistry, Earth and Space Sciences	06.04-12.04	I	Theoretical and applied problems of physical, mathematical and chemical sciences in the context of the social demand for the knowledge limits expansion
Technical Science, Architecture and Construction	06.04-12.04	I	Methods of effective science-based satisfaction of the increasing social needs in the field of engineering, construction and architecture
MAY			
Educational sciences and Psychology	12.05-17.05	II	Influence of knowledge and public practice on the development of creative potential and personal success in life
JUNE			
Philology	08.06-13.06	II	Issues of preservation of originality and interference of national languages in conditions of globalized international life
Culturology, Physical culture and Sports, Art History, History and Philosophy	08.06-13.06	II	Human creativity phenomenon in ups and downs of the historical process
JULY			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences	06.07-12.07	II	Innovative approaches in diagnostics and treatment of human and animal diseases caused by injuries, genetic and pathogenic factors
Economics, Jurisprudence and Management, Sociology, Political and Military Sciences	06.07-12.07	II	Value of the personality and collective interactions in the social progress ensuring process
AUGUST			
Physics, Mathematics and Chemistry, Earth and Space Sciences	04.08-10.08	II	Modern methods of studying matter and interaction of substances, as well as the subject-based relations modeling
Technical Science, Architecture and Construction	04.08-10.08	II	Solving problems of optimal combination of standards of quality, innovative technical solutions and comfort of operation when developing and producing devices and construction objects
SEPTEMBER			
Educational sciences and Psychology	13.09-19.09	III	Harmonious personal development problem in relation to specificity of modern education and socialization processes
OCTOBER			
Philology	05.10-10.10	III	Trends of language cultures development through the prism of correlation between their communicative functions and cultural-historical significance
Culturology, Physical culture and Sports, Art History, History and Philosophy	05.10-10.10.10	III	Significance of personal self-expression and creative work in the course of formation of the society's cultural potential
NOVEMBER			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences	10.11-15.11	III	Modern methods of ensuring health and quality of human life through the prism of development of medicine and biological sciences
Economics, Jurisprudence and Management, Sociology, Political and Military Sciences	10.11-15.11	III	Correlation between humanity and pragmatism in target reference points of modern methods of public relations regulation
DECEMBER			
Physics, Mathematics and Chemistry, Earth and Space Sciences	07.12-13.12	III	Object-related and abstract techniques of studying spatio-temporal and structural characteristics of matter
Technical Science, Architecture and Construction	07.12-13.12	III	Current trends in development of innovations and implementation of them into the process of technical and construction objects production



International Academy of Science and Higher Education (IASHE)

1 Kings Avenue, Winchmore Hill, London, N21 3NA, United Kingdom

Phone: +442071939499

E-mail: office@gisap.eu

Web: <http://gisap.eu>

2015